

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-  
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»  
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ  
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Русская эмиграция во Францию в 1918-1939 гг.:  
проблема взаимоотношений диаспоры, государства и  
общества

Выпускная квалификационная работа  
по направлению:  
44.04.01 Педагогическое образование, направленность (профиль):  
Современное социально-историческое образование

Проверка на объем заимствований:  
70,29 % авторского текста

Выполнил:  
студент группы ЗФ – 305 / 269-2-1  
Караичев Дмитрий Игоревич

Работа рецензирована к защите

« 21 » сентября 2022 г.

зав.кафедрой всеобщей истории  
Лазарев С.А.

Научный руководитель:  
к.и.н., доцент  
Жоров Е.А.

Челябинск 2022

## Содержание

<b>Введение.....</b>	<b>3</b>
<b>Глава 1. Миграция на территорию Франции и психологические, правовые аспекты взаимоотношений русской эмиграции с французским государством и обществом .....</b>	<b>21</b>
1.1. Миграционные процессы и динамика численности российской эмиграции во Франции .....	21
1.2. Правовые и психологические аспекты миграции, социальной адаптации и ассимиляции российской эмиграции .....	31
<b>Глава 2. Экономический аспект взаимоотношений русской эмиграции с французским государством и обществом .....</b>	<b>55</b>
2.1 Рынок труда, трудовая миграция и трудоустройство российских эмигрантов .....	55
2.2 Ежедневные взаимосвязи российских эмигрантов .....	76
Заключение .....	88
Список использованных источников .....	95

## **Введение**

Люди... Именно люди представляют собой государство, его историю, культуру, жизнь и быт, становятся его лицом.

В своем исследовании мы будем разбирать людей Российской империи, Советской России, которые по определенным причинам должны были покинуть свою родину. Во главе угла становятся драматические события и неисчислимы страданиями российского народа, в определенный момент времени разделилась на две параллельные ветви, питавшиеся из одного корня и связанные друг с другом неразрывными узами общности происхождения, культуры, языка и традиций. Граждане России, волею судьбы, оказавшиеся в изгнании, сохранили верность своей родине и являются частью ее истории.

Сегодня, в период глобализации и свободной миграции опыт этих людей представляет для нас, живущих именно в этот период, живой интерес. Опыт, который накопила русская эмиграция в текущее время приобретает новый смысл.

**Актуальность данной темы:** Во-первых, история российской эмиграции в этом контексте, как часть единого процесса, может оказаться одним из нравственных, духовных ориентиров, показывающих все тяготы эмигрантской жизни, примером так необходимых в современном мире.

Во-вторых, исследуемая проблема позволяет раскрыть базисные факторы всех процессов, которые протекали в эмиграции. Без этого невозможно анализировать российскую эмиграцию, как часть единого общемирового исторического процесса.

В-третьих, изучение адаптационного процесса предоставляет возможность осмыслить законы, по которым происходит изменение человека в изменяющейся внешней среде. Подобное осмысление позволяет понять

многие современные события, происходящие в ходе изменения социально-экономического строя России.

**Объект** настоящего диссертационного исследования — комплекс социальных, демографических и экономических взаимодействий русской эмиграции с французским государством, обществом в 20-30х годах XX века приведший ее к адаптации.

В рамках настоящей работы возникает необходимость провести четкую методологическую границу между понятиями адаптация и ассимиляция. Адаптация предполагает более узкое социальное явление — приспособление к условиям существования, привыкание и т.д. По определению философского словаря, основа адаптации - «высокосознательная творческая деятельность, непрерывный содержательный обмен с социальной средой, с обществом в целом, способствующие качественному обновлению среды, личности или группы, переходу их на новый, более высокий уровень». <sup>1</sup>

Термин ассимиляция (от латинского *assimilatio* - уподобление, слияние, усвоение) означает слияние одного народа с другим с утратой одним из них своего языка, культуры, национального самосознания.

Так, например, Н.М. Лебедева считает, что ассимиляция — поглощение одной группы другой «происходит, когда этнокультурная группа постепенно адаптируется (или вынуждается к адаптации) к обычаям, ценностям, жизненным стилям и часто языку доминирующей культуры». <sup>2</sup> Являясь, с одной стороны, звеньями единого процесса, понятия ассимиляция и адаптация, тем не менее, не всегда являются неперенными условиями существования друг друга, или следствием развития одного из них. Следуя формальной

---

<sup>1</sup> Философский энциклопедический словарь. М., 1983. с. 12-13.

<sup>2</sup> Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. С.8. Цит. по: Тарле Г.Я. Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX веках. // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов. М., 1996, с. 19.

логике, можно предположить, что ассимиляция является более высоким уровнем адаптационного процесса, его логическим завершением и вполне закономерным результатом. Адаптация же представляется промежуточным этапом в процессе ассимиляции.

Изучение названных явлений, применительно к российской эмиграции, доказало наличие противоречий в предложенной выше схеме. Найденные в процессе исследования факты говорят о том, что ассимиляционное воздействие государства и общества, в которое интегрировались российские эмигранты, зачастую препятствовало их социальной адаптации, вызывая острый внутренний конфликт и неприятие.

С другой стороны, некоторые формы ассимиляции иногда становились одним из способов адаптации, облегчая и ускоряя ее процесс, когда, например, смешанный брак — классическое проявление ассимиляции — являлся на деле лишь средством для улучшения правового положения эмигранта в иностранном государстве, т.е. его адаптации.

Настоящее исследование посвящено именно взаимодействию с государством и обществом как элемент адаптации русской эмиграции, и затрагивает ассимиляционный процесс лишь в качестве одного из сопутствующих явлений.

Некоторые аспекты этой проблемы уже затронуты несколькими поколениями исследователей.

Уникальность явления русской эмиграции, создавшей на чужбине свой особый мир, сумевшей адаптироваться к жестким, зачастую враждебным условиям существования и сохранить при этом свою национальную культуру и образ мышления, привлекают в последние годы пристальное внимание историков. Пути и формы социальной адаптации, психология и культура, наука и предпринимательство, влияние на экономику, демографию и культуру стран пребывания — вот лишь небольшая часть направлений исторических

исследований, сформировавшихся в последние годы под влиянием открытых для научного оборота эмигрантских источников.

В Советской России активное изучение белой эмиграции началось в первой половине 20-х гг. XX в. Среди первых авторов статей и брошюр по этой тематике были как профессиональные историки, так и репатрианты, стремившиеся реабилитироваться перед советской властью. И те, и другие исследования отличались тенденциозным изложением фактов и носили печать идеологического заказа.<sup>3</sup>

С конца 20-х гг. XX в. объективное изучение русского зарубежья стало невозможным. Лишь в конце 50-х гг., в период «оттепели», обозначились первые подвижки в деле изучения российской эмиграции — были опубликованы мемуары участников событий.

В 1977 г. была опубликована монография Л.К. Шкаренкова, в которой была сделана попытка дать обобщенную картину по изучаемому вопросу, также не избежавшая идеологизированности, что, естественно, не может являться упреком автору из-за существовавшей в тот период политической реальности.<sup>4</sup> В публиковавшихся исследованиях этого периода, рассматривались отдельные стороны истории русской эмиграции, сохраняли старые подходы к изучению данной проблематики. Хотя источниковая база расширялась, они не оказали на формирование историографии по изучаемому вопросу серьезного влияния.<sup>5</sup>

---

<sup>3</sup> Мещеряков Н.Л. На переломе (Из настроений белогвардейской эмиграции). М., 1922; Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М., Пг., 1923; Русская эмиграция в Дарданеллах // Военная мысль и революция. 1923, №4; Гравицкий Ю. Военная эмиграция в Болгарии // Военная мысль и революция. 1923, №3; Б-ой С. (И.Алексеев). На службе у империалистов. М., 1923 и др.

<sup>4</sup> Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981.

<sup>5</sup> Афанасьев А.Л. Полынь в чужих полях. М., 1987; Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921- 1924). М., 1978; Комиц В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин, 1979; он же. Крах российской контрреволюции зарубежом. Калинин, 1977; он же. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции зарубежом. Калинин, 1977; Мухачев

В последующие годы история российской эмиграции стала пользоваться пристальным вниманием ученых. Результатом исследований в этой области стал целый ряд изданий. Наиболее интересными из них оказались работы историков В.А. Тесемникова<sup>6</sup>; Н.Е. Соничевой<sup>7</sup>; и В.Т. Пашуто<sup>8</sup>. Подробное изучение начальных этапов взаимодействия диаспоры с государством и французским обществом как адаптации русской эмиграции является безусловным достоинством названных исследований. Однако крайне ограниченное использование авторами архивных источников не позволило им в должной степени уделить внимание вопросам деятельности российских общественных, военных и коммерческих организаций в эмиграции, экономическим аспектам взаимодействия русских беженцев и т.п.

Крупным центром изучения русского зарубежья стал Институт российской истории Российской Академии наук (РАН). Очень часто в институте проводятся конференции, посвященные обсуждению проблем адаптации русской диаспоры в эмиграции, публикуются сборники статей. Итогом этого высокопрофессионального обмена мнениями является издание материалов конференции под общим названием «История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX веках».<sup>9</sup> В нескольких статьях из названного сборника обозначен новый, более высокий уровень подхода и понимания исследуемой проблематики. В.М. Селунская в статье

---

Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; Мухачев Ю.В., Шкаренков Л.К. Крах "новой тактики" контрреволюции после гражданской войны. М., 1980; Санин В.В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987; Шкаренков Л.К. Белая эмиграция: агония контрреволюции // Вопросы истории. 1976. № 5. С. 100-120; он же. Конец белой эмиграции. // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 85-103; и другие.

<sup>6</sup> Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. №10.

<sup>7</sup> Соничева Н.Е. На чужом берегу. М., 1991.

<sup>8</sup> Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

<sup>9</sup> История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX веках. Сборник статей. М., Институт российской истории РАН, 1996.

«Проблемы адаптации эмигрантов из России в европейском зарубежье 20-30-х годов XX века»<sup>10</sup> на основе анализа мемуарной литературы дала подробное описание морально-психологических аспектов адаптации русских беженцев, их общественного сознания и политических настроений. Однако выводы автора статьи, касающиеся вопросов трудоустройства российских эмигрантов и закономерностей их интеграции в европейскую экономику, построенные на воспоминаниях нескольких авторов, во многом не соответствуют действительности. Ограниченная источниковая база не позволила автору проследить основные экономические факторы взаимодействия и закономерности адаптации русской эмиграции в Европе.

Взаимодействие русской эмиграции с французским обществом с неожиданной и малоизученной стороны рассматривается процесс адаптации российских беженцев во Франции в статье Ю.В. Бойко<sup>11</sup>. Исследовав динамику заключения русскими эмигрантами смешанных браков с французскими гражданами, а также их правовые и социальные аспекты, автор сделал очень интересные выводы о значении этого явления в процессе ассимиляции беженцев во Франции.

Одним из центров по изучению российской эмиграции является Историко-архивный институт РГГУ. Одним из результатов научных исследований в этой области стал учебное пособие для студентов ВУЗов «Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения)»,<sup>12</sup> в котором нашли

---

<sup>10</sup> Селунская В.М. Проблемы адаптации эмигрантов из России в европейском зарубежье 20-30-х годов XX века (По материалам эмигрантской мемуаристики) // История российского зарубежья, с. 45.

<sup>11</sup> Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов. // История российского зарубежья, с. 105.

<sup>12</sup> Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие. М., 1994.

отражение вопросы численности, социального состава, материального положения российских беженцев в Константинополе, а также уделено серьезное внимание изучению становления и развития русской школы на Балканах.

Проблемы методологии изучения и преподавания истории российского зарубежья обсуждались в ходе конференции «Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения», проходившая в РГГУ в ноябре 1997г.<sup>13</sup> В ее рамках рассматривались проблемы социальной адаптации российской эмиграции в части, касавшейся правовых, культурных, образовательных аспектов. На конференции не рассматривались вопросы адаптации эмигрантов во Франции. Исключение составил доклад автора «Русский» Париж в 20-е гг.»<sup>14</sup>, в котором анализировались, главным образом, правовые и политические аспекты взаимодействия .

Процесс формирования комплекса архивных материалов эмиграции в России и за ее пределами, а также подробный обзор существующего в России массива информации по изучаемому вопросу, представлен в справочном издании А.В. Попова «Русское Зарубежье и архивы». Это издание очень грамотно информирует исследователя о хранилищах материалов российской эмиграции, составе их фондов и позволяет с большой точностью обращаться к тому или иному комплексу источников при работе над конкретной проблематикой.<sup>15</sup>

Хроникальная картина научной исторической мысли русской эмиграции в странах Европы в 20-30-х гг. представлена в издании «Историческая наука

---

<sup>13</sup> Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 17 ноября 1997 г. М., РГГУ, 1997.

<sup>14</sup> Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 17 ноября 1997 г. М., РГГУ, 1997, с. 15.

<sup>15</sup> Попов А.В: Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV.—М.: ИЛИ РГГУ, 1998.

российской эмиграции».<sup>16</sup> Названная работа представляет собой своего рода историографический путеводитель по эмигрантской периодической печати. Охватывая период с 1920 по 1940 гг., она подает информацию в хронологическом порядке с указанием автора доклада или лекции, темы выступления, аудитории в которой они были прочитаны, и места проведения в строгом соответствии с указанием источника.

К работе над диссертацией привлекался вышедший в свет в 1997 г. биографический справочник «Русское зарубежье».<sup>17</sup> Это издание включило в себя свыше 400 биографий выдающихся представителей русской эмиграции первой трети XX века: ученых, художников, политических и общественных деятелей, иерархов Православной церкви, писателей и артистов. Биографические статьи, положенные в основу названного издания, дают информацию, в том числе, и о проблемах взаимодействия и адаптации тех представителей российской эмиграции, очерки о которых вошли в справочник. Богатый архивный и мемуарный материал, использованный в издании, делает его вполне профессиональным для работы над историей русской эмиграции.

Попыткой дать обобщенную картину истории российской эмиграции стала монография филолога-публициста М.В. Назарова «Миссия русской эмиграции»<sup>18</sup>, без ложной скромности названная им «первой попыткой непредвзятого рассказа о русской эмиграции». Автором был использован богатый фактический материал по истории политической жизни русского беженства. Однако излишняя публицистичность исследования и концентрация интереса автора на «масонской» тематике, значительно обесценивают научную значимость названного издания.

---

<sup>16</sup> Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. XX века (Хроника). М.: Аиро-XX, 1998.

<sup>17</sup> Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., 1997.

<sup>18</sup> Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994.

О некоторых «опасностях», подстерегающих современную российскую историографию, очень часто идеализирующую идейное содержание эмигрантской мемуарной литературы, не относясь с должной критикой к этому роду источников, очень едко написал А. В. Квакин в статье «Некоторые вопросы изучения истории ассимиляции российской интеллигенции в эмиграции»<sup>19</sup>. Автор утверждает, что русская интеллигенция в эмиграции не являлась настолько духовно свободной и независимой в своих публичных суждениях, как это пытаются представить сегодня некоторые исследователи. Доказывая этот тезис, А.В. Квакин приводит ряд примеров эмигрантской публицистики, заведомо искажавших реальное положение вещей, и делает вывод о необходимости детальной критики эмигрантской мемуаристики в процессе ее использования в историческом исследовании.

Большой интерес представляет эмигрантская историография русского зарубежья. В 20-30 гг. XX в. во многих «столицах» беженского «рассеянья» были опубликованы обстоятельные работы, авторы которых на основании личного опыта и впечатлений, газетных публикаций в той или иной степени затронули вопросы численности, состава, социальной адаптации русских беженцев в Турции и Европе, дали характеристику процессу их расселения и реабилитации.<sup>20</sup>

В 30-е гг. XX в. началось активное изучение истории российского зарубежья западными исследователями, среди которых оказалось немало и выходцев из России. Одни касались этой темы при изучении революции и гражданской войны, антибольшевистского лагеря и его лидеров;<sup>21</sup> другие

---

<sup>19</sup> Квакин А.В. Некоторые вопросы изучения истории ассимиляции российской интеллигенции в эмиграции. // История российского зарубежья. М., 1997, с. 73.

<sup>20</sup> Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921; Русские в Галлиполи. Берлин, 1923; Доватц В.Х.; Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Русские в Праге. Прага, 1928; Кратский КВ. Без будущего. Белград, 1931 и др.

<sup>21</sup> Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolutions. N.Y. 1974; Pipes R. Struve, Liberal on the Right 1905-1944, Cambridge, 1980.

целенаправленно изучали российскую послереволюционную эмиграцию как социальный, политический и культурный феномен мировой истории XX в.

22

Среди названных работ особое место занимает исследование У. Хантингтона. Автор, профессиональный журналист, с большой точностью и исторической достоверностью описал и проанализировал практически все стороны жизни российской эмиграции во Франции: начиная с ярких бытовых зарисовок и заканчивая исследованием деятельности профессиональных союзов русских рабочих. Названное исследование представляет научную ценность еще и потому, что факты, в нем изложенные, находили многократные подтверждения из других источников самого разного происхождения, что является крайне редким явлением для литературы по эмигрантской тематике. Так, например, У. Хантингтон располагал информацией Лиги Наций по расселению и численному составу российских беженцев, о создании и развитии русской школы во Франции, политических течениях в среде эмиграции, создании русских земледельческих колоний и ферм и т.д. Кроме того, в исследовании У. Хантингтона использован такой исторический источник, как устные интервью и рассказы участников событий, что позволяет взглянуть на историю российской эмиграции в Франции под совершенно новым углом зрения.

В процессе работы над диссертацией широко привлекалось исследование «Новая Мекка, новый Вавилон» Р. Джонстона. Обширная историографическая и источниковая база, на основе которой был создан этот труд, позволили автору изучить и дать убедительную трактовку многих по сей день спорных вопросов в истории российской эмиграции, в частности, вопроса

---

<sup>22</sup> Huntington W.C. The Homesick million. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933; Simpson J.H. The refugee problem. L., 1939; Marrus M.R. The Unwanted-European refugees. N.Y., 1985; Johnston R.H. New Mecca, new Babylon... Kingston, 1988.

о ее численности и пропорциях в разных странах Европы. Проанализировав широкий круг источников, в число которых вошла статистическая информация Лиги Наций, документы российских общественных организаций и ряд других, и историографию за несколько десятилетий, автор сделал аргументированные выводы о численности русской колонии во Франции в 20-х гг. XX в. Прделанная Р. Джонстоном работа внесла значительный вклад в существующие и на сегодняшний день весьма противоречивые точки зрения по данному вопросу.

В этом ряду необходимо также выделить исследование М.Раева, кратко осветившего период жизни русских эмигрантов в Турции и на Балканах в начале 20-х гг.<sup>23</sup> Ни те, ни другие, однако, не затронули проблемы взаимодействия и адаптации русской эмиграции, как экономические и правовые; не было изучено трудоустройство российских беженцев и миграционные процессы в их среде.

Широко использовалась мемуарная литература, опубликованная как за рубежом, так и в нашей стране. Воспоминания А.С. Лукомского,<sup>24</sup> И.М.Калинина<sup>25</sup>, Л. Владимирова,<sup>26</sup> А. Слободского<sup>27</sup> и ряд других, написанные непосредственными участниками событий, дают богатый материал по социальным, политическим и психологическим вопросам жизни русских колоний за границей. В то же время, субъективный характер изложения материала, попытки авторов «скорректировать» собственную роль в описываемых событиях, заставляют относиться к этому виду документов

---

<sup>23</sup> Раев М. Россия за рубежом: история культуры российской эмиграции, 1919-1939 г.г. М., 1994.

<sup>24</sup> Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922.

<sup>25</sup> Калинин И.М. В стране братушек. М., 1923.

<sup>26</sup> Владимиров Л. Возвратите их на Родину! Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии. М., 1924.

<sup>27</sup> Слободской А. Среди эмиграции. Харьков, 1925.

критически и с большой осторожностью, соотнося почерпнутую информацию с комплексом доступных источников.

В 1998 г. вышла в свет публикация документов из собрания Пражского архива, «Дети русской эмиграции», подготовленная Л.И. Петрушевой.<sup>28</sup> В публикацию были включены сочинения детей русских беженцев, учившихся в гимназиях за границей. Эти документы являются уникальным источником по начальному периоду эмиграции, ее социальной адаптации, развитию русской школы за границей. Детское, непосредственное восприятие событий революции, гражданской войны и эмиграции, несмотря на абсолютный субъективизм «авторов», создает необыкновенно точную психологическую картину русского беженства. Кроме того, публикация сопровождается статьей Л.И. Петрушевой, в которой дан очень подробный обзор русских средних учебных заведений в эмиграции.

К работе также широко привлекались эмигрантские периодические издания: газеты «Последние новости»<sup>29</sup>, «Возрождение»<sup>30</sup>, «Руль»<sup>31</sup>. В частности, газета «Возрождение» публиковала подробные отчеты своих корреспондентов об их поездках по провинциальным районам Франции, в места, где сформировались и нашли работу русские колонии. Такого рода репортажи касались условий труда и быта на горнодобывающих и перерабатывающих предприятиях; фермах, которыми владели или которые обрабатывали российские эмигранты. На страницах «Возрождения» часто публиковались аналитические обзоры о тенденциях развития французской промышленности и экономики в целом, и о месте в этом процессе российской эмиграции.

---

<sup>28</sup> Дети русской эмиграции. Сочинения детей русских беженцев, учащихся гимназий за границей. М., 1997.

<sup>29</sup> Последние новости. Париж, 1921-1932.

<sup>30</sup> Возрождение. Париж, 1925-1932.

<sup>31</sup> Руль. Берлин, 1921-1932.

Источниковой базой работы являются документы бывшего Русского Заграничного Исторического архива (РЗИА), образованного постановлением Комитета Земгора от 17 и 19 февраля 1923 г. при культурно-просветительском отделе пражского Земгора. Положение об архиве было утверждено общим собранием Земгора в октябре 1924 г, тогда же архив получил новое название Русский заграничный исторический архив в Праге. РЗИА интенсивно комплектовался как личными фондами, так и фондами эмигрантских учреждений и организаций. После окончания Второй Мировой войны. Пражский архив был передан СССР чехословацким правительством. Документы РЗИА прибыли в Москву 3 января 1946 г. и поступили на хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. В ЦГАОРСС СССР был создан специальный отдел РЗИА, а весь состав документальных и печатных фондов засекречен. С 1988 г. начался процесс рассекречивания документов эмигрантских фондов ЦГАОР СССР (с 1992 г. — ГАРФ).

Российская эмиграция породила с самых первых дне своего существования огромное количество юридических правовых проблем. Вопросы гражданских и имущественных прав русских беженцев, их правовой статус, коммерческое право в отношении российских юридических лиц в эмиграции привели появлению значительного комплекса источников. Материалы судебных процессов по искам российских акционерных обществ организациям; гражданские дела русских беженцев, находившиеся в ведении российских адвокатов; рукописи опубликованных и не опубликованных статей, посвященных полемике по правовому статусу эмиграции; подготовительные материалы для Лиги Наций, касавшиеся правового положения беженцев в разных странах - эти и целый ряд других источников позволяют подробно исследовать правовые аспекты взаимодействия русской эмиграции с французским государством и обществом.

В работе над диссертацией был использован фонд канцелярии Донского атамана<sup>32</sup> А.П. Богаевского, хранящий большое количество писем с информацией об условиях жизни и взаимоотношениях с Францией русских эмигрантов из военной среды; их переходе «на трудовое положение»; переселении в Южную Америку и т.д.

В фонде Русского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России<sup>33</sup> хранятся документы о деятельности этой организации по сбору пожертвований среди русских эмигрантов, организации благотворительных мероприятий, взаимоотношениях с иностранными и эмигрантскими организациями, создании при названном Комитете беженских землячеств и т.д.

Немногочисленные, но очень информативные документы по истории возникновения во Франции русских фермерских хозяйств, хранятся в фонде Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей.<sup>34</sup>

Фонд Русского общевойскового союза (РОВС)<sup>35</sup> является крупнейшим собранием документов по истории военной эмиграции, ее взаимоотношениях, адаптации, расселения, трудоустройства. Острый конфликт в среде русского военного руководства, которым сопровождался процесс «демилитаризации», нашел свое отражение в этом комплексе источников. Приказы главнокомандующего генерала Врангеля и штабов воинских подразделений; кадровая документация по чинам Добровольческой армии, отражающая процесс перехода русских солдат и офицеров на гражданское – «беженское» -

---

<sup>32</sup> Попов А.В: Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV.—М.,: ИЛИ РГГУ, 1998.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. XX века (Хроника). М.: Аиро-XX, 1998.

<sup>35</sup> Там же.

положение; докладные записки о политических настроениях личного состава воинских подразделений в местах их расселения и другие источники позволяют существенно дополнить картину взаимодействия российской эмиграции, государства и общества в той ее части, которая формировалась как раз из чинов русской армии. Высока и степень достоверности этого комплекса источников. Он создавался «для внутреннего употребления» и по этой причине в меньшей степени оказался подвержен искажениям, столь характерным, например, для документов русских общественных организаций, изобилующих приписками, намеренными искажениями и необъективностью информации.

Среди фондов ГАРФ, ставших источниковой основой для изучения юридических вопросов, необходимо упомянуть личный фонд российского присяжного поверенного А.А. Гольденвейзера;<sup>36</sup> председателя объединения русских адвокатов за границей М.С. Маргулиеса;<sup>37</sup> российского адвоката В.С. Манделя,<sup>38</sup> являвшегося юрисконсультom нескольких российских акционерных обществ в эмиграции и ряд других. Наиболее информативными из перечисленных источников являются документы, относящиеся к деятельности Съезда русских юристов, проходившего в октябре 1922 г. в Берлине. Основное внимание на нем было уделено двум главным проблемам: правовому положению российских беженцев в европейских государствах и законотворческой деятельности в Советской России.

Отличительной особенностью комплекса источников, относящихся к деятельности русских юристов в эмиграции, является впечатляющий обмен информацией между союзами и объединениями российской адвокатуры из разных стран. Создававшиеся организации спешили уведомить коллег в других государствах о своем объединении, регулярно присылали обзоры своей

---

<sup>36</sup> Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921.

<sup>37</sup> Там же.

<sup>38</sup> Раковский Г. Русские в Галлиполи. Берлин, 1923.

деятельности, комментарии о правовом положении русской эмиграции, вели оживленную личную и деловую переписку. Характерно, что даже стилистика угловых штампов, проставлявшихся на официальных бланках союзов русских юристов в разных странах, была единой. В то же время, законодательные ограничения на профессиональную деятельность российских юристов в европейских государствах, наложили отпечаток на этот комплекс источников. В названных документах практически отсутствуют материалы гражданских и уголовных дел русских эмигрантов, разбиравшихся в иностранных судах - интереснейшей информации, могущей дать представление обо всех этапах правового становления русских колоний. Объяснением такого положения дел является запрет на ведение русскими юристами дел своих клиентов в судах.

Они могли заниматься только консультационной деятельностью и быть поверенными в делах, однако без права осуществлять нотариальные действия.

Другой группой источников, имеющей принципиальное значение при решении поставленных в диссертационном исследовании задач, являются личные фонды русских экономистов и общественных деятелей в эмиграции, содержащие доклады, аналитические обзоры, научные статьи по макроэкономическим проблемам европейских государств и России. Особую

ценность такого рода источникам придает тот факт, что практически все видные российские экономисты, оказавшись в эмиграции, развили активную деятельность в самых разных эмигрантских коммерческих, общественных и образовательных организациях. Личностный фактор играл немалую роль и в процессе общения с правительственными и международными организациями по вопросам правового и материального положения русских беженцев.

Поэтому личные фонды П.А. Бурьшкина<sup>39</sup> занимавшего в правительстве адмирала А. В. Колчака пост министра финансов; С.В. Маракуева<sup>40</sup> директора

---

<sup>39</sup> Доватц В.Х.; Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923;

<sup>40</sup> Там же.

института сельскохозяйственной кооперации в Праге; российского экономиста Д.Н. Иванцова<sup>41</sup> являются крайне важными источниками по истории социальной адаптации русской эмиграции. Отличительной особенностью данного комплекса документов является высокий профессионализм их авторов в вопросах функционирования экономики в самых разнообразных отраслях хозяйства. В то же время, при исследовании источников такого рода неизбежен весьма жесткий критический подход к их использованию, поскольку мнения их авторов были в значительной степени подвержены политической конъюнктуре.

Весьма информативным источником являлись и газетные рекламные объявления. Малый бизнес, ставший в эмиграции одним из факторов взаимоотношений российской эмиграции с французским государством и обществом, оставил свидетельства своего становления и деятельности именно в этом комплексе источников. В рекламных объявлениях русских фирм, осуществлявших свою деятельность во Франции, находили отражение национальные, культурные, исторические особенности российского предпринимательства, а также тенденции развития «русского рынка» во Франции. Методологические основы использования названного комплекса источников при изучении взаимоотношений российского предпринимательского класса в эмиграции были исследованы в статье С.С. Ипполитова «Русское предпринимательство в зеркале рекламы»<sup>42</sup>

Цель работы — на основе анализа комплекса источников, мемуарной и историографической литературы проследить взаимоотношения диаспоры, государства и общества, выявляя основные направления процесса адаптации русских эмигрантов во Франции.

---

<sup>41</sup> Дети русской эмиграции. Сочинения детей русских беженцев, учащихся гимназий за границей. М., 1997.

<sup>42</sup> Ипполитов с.с. Русское предпринимательство в зеркале рекламы. // Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. М., 1999, с. 104.

Для достижения названной цели в диссертации решаются следующие задачи:

1. Изучение вопросов, касающихся миграционных процессов и динамики численности русской колонии во Франции и особенностей ее формирования;
2. Рассмотрение психологических аспектов миграции, социальной адаптации и ассимиляции российской эмиграции.
3. Анализ правовых аспектов миграции, социальной адаптации и ассимиляции российской эмиграции в части определения гражданских прав беженцев, их международного правового статуса, восстановления юридического бытия русских акционерных обществ за границей;
4. Выявление экономических закономерностей процесса формирования рынка труда, трудовой миграции и трудоустройства российской эмиграции;
5. Освещение особенностей быта и материального положения российской эмиграции;

Хронологически диссертационное исследование ограничено периодом с 1918г. и заканчивая 1939 г.,

Территориально исследование ограничено пределами Франции.

Задачи работы определяют ее структуру.

Работа состоит из двух глав, введения, заключения и справочного аппарата.

В первой главе рассмотрены миграционные процессы; численный и социальный состав российской эмиграции во Франции в исследуемый период; психологические аспекты миграции, социальной адаптации и ассимиляции эмиграции и ее правовое положение.

Глава вторая посвящена изучению французского рынка труда, условий трудоустройства русских беженцев разных социальных групп, а также особенностей быта и материального положения российской эмиграции.

# **ГЛАВА 1. Миграция на территорию Франции и психологические, правовые аспекты взаимоотношений русской эмиграции с французским государством и обществом**

## **1.1 Миграционные процессы и динамика численности российской эмиграции во Франции.**

Вопрос о численности относится к наиболее сложным и вопросам, связанным с историей российской эмиграции. Объяснений подобного положения дел несколько. При возникновении статистических документов, касавшихся численности российских беженцев, очень часто играли серьезную роль политические и экономические факторы. Дискуссия о репатриации российских беженцев, развернувшаяся в начале 20-х годов в европейских правительственных кругах и предполагавшая возможность принудительного возвращения на родину русских эмигрантов, серьезно подорвала доверие последних к государственным учреждениям, ведавшим их учетом и регистрацией. Зачастую избегать какой-либо регистрации беженцев заставляло налоговое законодательство стран пребывания, во многих случаях носившее дискриминационный характер по отношению к иностранцам. Существовали и объективные причины, затруднявшие учет и контроль численности русских беженцев. Многие из них за полтора-два года изгнания успевали побывать в нескольких государствах, начиная с Турции и Балкан, и заканчивая странами Африки и Латинской Америки. Хантингтон в своей книге так объяснял многочисленные противоречия в вопросе численности российских беженцев: «Во-первых, российское массовое бегство было похоже на катастрофу, и никакая центральная регистрация была невозможна. Кроме того, беженцы так часто перемещались с место на место, из одной страны в другую в поисках работы и помощи, что невозможно было наладить их точный-учет. Третьим,

вносящим путаницу, фактором являлась тенденция смешивать «реальных» российских беженцев с русскими меньшинствами, перманентно проживавшими на территориях ряда государств».<sup>43</sup>

С другой стороны, на количественную оценку российской эмиграции очень часто оказывали влияние экономико-политические факторы. Так, например, в делопроизводстве русских общественных организаций в эмиграции частым явлением были приписки «мертвых душ», которым, якобы, была предоставлена материальная помощь, полученная по линиям международных благотворительных организаций. Подобная практика позволяла недобросовестным чиновникам от благотворительности «отфильтровывать» и присваивать крупные суммы денег.

Манипулирование статистической информацией осуществлялось и правительственными органами, в разные моменты времени стремившимися либо завысить, либо занизить реальное количество российских беженцев, нашедших пристанище в конкретной стране. Внутри - или внешнеполитическая конъюнктура в Европе в 20-х гг. менялась очень часто. Менялись и официальные оценки, касавшиеся численности российской эмиграции. Рост социальной напряженности в стране, например, мог заставить правительство, во избежание недовольства налогоплательщиков возросшими государственными расходами, занизить это число; заявление Лиги Наций о дополнительных ассигнованиях на решение беженских проблем напротив, влекло за собой «разрастание» русских колоний в европейских государствах.

Источниковой базой для изучения вопроса о численности российской эмиграции являются, главным образом, четыре комплекса документов.

1. Статистика и финансовая документация русских общественных организаций. В частности, русского Земгора, Российского

---

<sup>43</sup> Huntington W.C. The Homesick million. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933, p.18.

общества Красного Креста. Центрального объединенного комитета русских общественных организаций и т.д.

2. Информация международных и иностранных организаций помощи беженцам — Международного и национальных Красных Крестов, Лиги Наций, частных благотворительных комитетов и т.п.
3. Официальная информация государственных институтов тех стран, на территории которых размещались русские беженцы. Например, информация парижского префекта полиции; сведения Министерства труда Франции.
4. Впечатления и воспоминания участников и современников событий.

В Таблице 1 приведены сведения статистического анализа возможных путей расселения российской эмиграции по странам мира была предпринята в Константинополе в ноябре 1922 г. Отделом расселения Русского комитета регистрации русских беженцев.<sup>44</sup>

Таблица 1. Пути возможного расселения российской эмиграции по странам мира в 1922 году.

Наименование страны, куда беженцы желают выехать.	Число человек.
Сербия	6.579
Франция	1.418
США	1.275
Болгария	1.048
Чехословакия	990
Венгрия	657
Германия	531
Польша	315

<sup>44</sup> ГАРФ, ф.6006, оп. 1, д. 1, л. 13.

Южная Америка	148
Бельгия	249
Египет	140
Сирия	135
Румыния	124
Италия	79
Англия	68
Греция	55
Эстония	47
Австрия	40
Абиссиния	38
Латвия	35
Швейцария	34
Финляндия	32
Советская Россия	30
Литва	28
Тунис	25
Голландия	23
Испания	22
Манчжурия	17
Норвегия	15
Палестина	12
Швеция	11
Австралия	11
Дания	8
Персия	7
Белоруссия	6

Сибирь	3
Владивосток	3
Мексика	2
Албания	2
Япония	2
Индия	1
Итого	14.272

Как видно из таблицы, в качестве страны «окончательной» эмиграции Францию предполагали избрать около 10 процентов опрошенных.

Численность российской колонии во Франции испытала в рассматриваемый период несколько «всплесков». Миграционные процессы в среде российской эмиграции были вызваны несколькими причинами: экономическими, политическими, национальными и т.п.; поэтому Франция, как наиболее «лояльная» по отношению к русским страна, становилась желанной целью для многих тысяч из них в период обострения социально-экономической ситуации в других странах мира.

В середине 1920-х гг. активизация миграционных процессов произошла в результате мирового кризиса, охватившем большинство европейских государств. Особенно сильно его последствия сказались на российской колонии в Германии. Резкое падение немецкой марки; безработица, достигшая катастрофических масштабов; обнищание широких слоев населения вынудили российских эмигрантов в массовом порядке переселяться в другие, более благополучные в экономическом отношении государства. К сожалению, вопрос статистического учета российских мигрантов при их переезде из одной европейской страны в другую специально не исследовался, и о динамике миграционного процесса приходится судить лишь по косвенным данным. Так, например, по информации немецкого исследователя Х.Волкмана, численность

русской колонии в Германии, составлявшая к концу 1921 г. 230-250 тыс. человек,<sup>45</sup> восемь лет спустя упала к отметке между 90 и 100 тысячами, и к 1937г. достигла 45 тыс. Большая часть российских эмигрантов, покидавших Германию вследствие экономических причин в середине 1920-х гг. и, особенно после прихода к власти в Германии Гитлера, выбирали местом своего дальнейшего пребывания именно Францию.<sup>46</sup> Продолжался процесс миграции российских эмигрантов во Францию и из других мест «беженского рассеянья». Так, с декабря 1923 г. по июль 1925 г. через порт Марселя во Францию прибыло около 150 тыс. русских, главным образом, из Константинополя.<sup>47</sup>

Довольно длительный период времени в официальной статистике и исследованиях российской эмиграции фигурировало число 400 тысяч, определявшее количественный состав российской колонии во Франции. Впервые оно появилось в статистике Лиги Наций, опубликованной в 1922 г. [Таблица 2].<sup>48</sup>

Таблица 2. Статистика исследования российской эмиграции представленная Лигой Наций.

Страна	Количество человек
Франция	400 000
Германия	200.000
Румыния	80.000
Польша	70.000
Китай	60.000
Болгария	33.000

<sup>45</sup> Volkman H.-E. Die nissishe emigration in Deutschland 1919-1929. Wurzburg, 1966, S.6.

<sup>46</sup> Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1975.

<sup>47</sup> Возрождение. Париж, № 47, 1925.

<sup>48</sup> Дети русской эмиграции. Сочинения детей русских беженцев, учащихся гимназий за границей. М., 1997.

Латвия	15.000
Эстония	15.000
Финляндия	13.000
Бельгия	10.000
Турция	5.000
Австрия	3.500
Литва	3.500
Япония	3.500
Греция	3.500

Именно такое предполагаемое количество русских беженцев, прибывших во Францию в 1920 г., отразил Нансен в докладе Лиге Наций в 1924 году.<sup>49</sup> Эту же цифру привел в своей книге и Хантингтон, ссылаясь при этом, однако, уже на данные французского правительства.<sup>50</sup>

Более взвешенная оценка количества русских беженцев во Франции содержалась в отчете Американского Красного Креста, опубликованном в ноябре 1920 г. Она колебалась в пределах 150 — 200 тысяч человек. Отмеченное изменение — 400 тыс. против 150 тыс. в двух наборах данных только по одному временному интервалу было прокомментировано в 1939 г. английским исследователем Джоном Симпсоном, отметившим вопиющие противоречия в официальной статистике по этому вопросу.<sup>51</sup> Проанализировав динамику притока российских беженцев на территорию Франции, Симпсон выдвинул свою версию об их общем количестве. Оговорившись, что его данные касаются только «неассимилируемых российских беженцев во Франции», английский исследователь определил их число от 70 тысяч в 1922

<sup>49</sup> Там же, с. 24.

<sup>50</sup> Huntington W.C. The Homesick milhon. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933, p. 299.

<sup>51</sup> Johnston, Robert H. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian exiles, 1920-1945, с. 24.

году; 175 тысяч — в 1930 году. и в 110 тыс. — в 1937 году.<sup>52</sup>

Третий диапазон оценок колеблется около цифры 150 тыс. Такую точку зрения на проблему определения численности российской эмиграции высказывал историк П. Ковалевский. Он выбрал диапазон между 100 — 150 тыс. человек в обзоре предвоенных лет.<sup>53</sup>

Французские правительственные источники, относившиеся к середине 30-х гг., приводили данные о численности русских беженцев в количестве 91 577 человек. Однако такая оценка является очень приблизительной, поскольку в данную статистику попадали лишь эмигранты, имевшие при въезде во Францию документы, подтверждавшие отсутствие у них гражданства — нансеновские паспорта, введенные в июле 1922 г. Прибывшие ранее, предъявлявшие при въезде другие документы или въезжавшие незаконно, в названную статистику не попадали. В 1943 г. в Париже были опубликованы статистические данные, дававшие самую низкую оценку числу российских беженцев во Франции. Так, например, общее количество русских беженцев в стране в 1921 г. было определено в 32 300 человек; за десять лет — к 1931 году, по данным источника, это число лишь удвоилось и достигло максимума в 72 тыс. Пятью годами позже, согласно тому же источнику, число русских во Франции упало до 64 тыс.<sup>54</sup>

Какую оценку считать наиболее приближенной к реальности? Представляется вероятным, что истина находится по середине этих столь разнообразных мнений. Очевидно, что общее число российских беженцев во Франции не превышало, но и не опускалось ниже отметки в 120 тыс. человек. Именно на такой точке зрения настаивает американский исследователь Р.

---

<sup>52</sup> Там же, с. 25.

<sup>53</sup> Там же, с. 27.

<sup>54</sup> Johnston K, p. 24.

Джонстон. Согласуется она и с французскими полицейскими данными мая 1938 г., зафиксировавшими эту цифру и отмечавшими ежегодное колебание численности русской эмиграции в пределах семи-восьми процентов.<sup>55</sup>

Оценочный размер российской колонии в Париже представляется более ясным. В Париже и его окрестностях осело значительно больше русских беженцев, чем в других областях Франции. В 1930 г., по сведениям французского исследователя Ж. Делага, в двадцати районах Парижа жили 43 250 русских, плюс еще 9 500 человек — в предместьях.<sup>56</sup>

В 1932 г. Ж. Моко, чиновник французского министерства труда, обнаружил данные о 36 964 русских, проживавших в департаменте Сена, и еще 3503-х — в прилегающих районах.<sup>57</sup>

В Таблице 3 приведены сведения 1921 г. где были опубликованы сведения префекта полиции Парижа Нодэна о количестве иностранцев, проживавших на тот момент в городе.<sup>58</sup>

Таблица 3. Сведения префекта полиции Парижа Нодэна о количестве иностранцев, проживавших в 1921 году в городе.

Национальность	Количество
Бельгийцы	56 500
Итальянцы	41 000
Швейцарцы	30 000
Англичане	27 000
Американцы	25 000
Русские	23 500
Испанцы	14 500

<sup>55</sup> Там же, с. 25.

<sup>56</sup> Там же, с. 26.

<sup>57</sup> Там же, с. 27.

<sup>58</sup> Последние новости. Париж, 1923, № 836, январь.

Поляки	10 000
Немцы	2 000

Таким образом, на основе анализа всего комплекса доступных источников, можно сделать следующие выводы о количественном составе российской эмиграции во Франции в 20-х гг.

Наиболее обоснованной представляется оценка общего количества беженцев в 120 тыс. человек. Ежегодные колебания численности русской колонии во Франции составляли около 7-8 процентов.

Численность русских беженцев в Париже в разное время колебалась возле отметки в 30 тыс. человек.

## 1.2. Правовые и психологические аспекты миграции, социальной адаптации и ассимиляции российской эмиграции

У российских беженцев, как у военных, так и у гражданских, в начале 20-х годов сложилось очень сложное отношение к Франции. За время гражданской войны белые убедились, что Франция, бывшая главная союзница России в первой мировой войне, ради спасения которой русская армия принесла на фронте большие жертвы, не оказала Деникину, Колчаку и Врангелю значительной помощи. Все надежды на то, что Франция пошлет свои войска против большевиков, не оправдались. И теперь русские эмигранты считали, что долг Франции состоит в том, чтобы предоставить русским беженцам максимально благоприятные условия для проживания на ее территории. Однако французские власти не сделали никаких исключений для русских эмигрантов на своей территории, приравняв их в правовом положении ко всем остальным иностранцам.<sup>59</sup>

Процесс натурализации иностранцев во Франции имел свои особенности. По каждому обращению с просьбой о натурализации французскими властями проводилось гласное расследование. Прежде, чем натурализованный иностранец мог быть допущен к занятию общественной или государственной должности, он должен был пройти своего рода «испытательный срок». В то же время, француженки, вышедшие замуж за иностранца, не лишались гражданства, как это практиковалось, например, в Германии по отношению к немецким гражданкам, вступавшим в смешанный брак.<sup>60</sup>

До 1927 г. процедура получения французского гражданства оставалась многоступенчатой и длительной (лишь через десять лет проживания во Франции мигрант мог претендовать на гражданство, а его дети — по

---

<sup>59</sup> Ковалевский П.Е. Указ. соч. с. 17.

<sup>60</sup> Последние новости. Париж, № 594, 1922.

достижении 24-летнего возраста). После принятия нового закона, стаж пребывания в стране для натурализации был сокращен до 3-х лет, а для мужчин, женившихся на француженках — до 1 года. Дети становились гражданами страны автоматически, с момента принятия отцом Французского подданства.<sup>61</sup>

Для того, чтобы привлечь русских эмигрантов на тяжелую работу на французских шахтах, машиностроительных и химических предприятиях французское Министерство иностранных дел по согласованию с министерством труда и сельского хозяйства выдавало через различные русские организации каждый год тысячи виз для въезда во Францию вместе с направлением на конкретное место работы. Поэтому приезжающие по таким визам во Францию из Болгарии, Югославии, Чехословакии в середине 20-х годов, как правило, селились не в Париже, а в городках местечках департамента Сenna.<sup>62</sup>

С набором документов, предоставлявшим право на временное проживание и временную работу, русские эмигранты в Париже и других местах Франции оказывались в очень тяжелом правовом положении.

Передвижение внутри страны, а тем более поездки за границу, представляли большие трудности. Разрешение на выезд было простой бумагой, на которой проставлялись многочисленные визы. В случае высылки из Франции за какое-нибудь правонарушение, высланный не имел возможности переехать в другую страну и был вынужден нелегально возвращаться во Францию.<sup>63</sup> Русским юристам в эмиграции удавалось в некоторых подобных случаях оказывать помощь российским беженцам. Путем многочисленных

---

<sup>61</sup> Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов // История российского зарубежья. М., 1996, с. 112.

<sup>62</sup> Попов А.В: Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV.—М.,: ИЛИ РГГУ, 1998..

<sup>63</sup> Ковалевский П.Е. Указ. соч. с. 25-26.

ходатайств и прошений они добивались отмены распоряжений о высылке русских, отбывших наказание во французских тюрьмах.<sup>64</sup>

Особую сложность представляли случаи, когда русский эмигрант прибывал в Париж без надежных документов или когда было необходимо засвидетельствовать перед французскими властями семейное положение, имущественные права, социальное положение, образование, специальность и так далее. До 1924 г., когда французское правительство признало СССР и установило с ним дипломатические отношения, в Париже продолжало действовать русское посольство и в некоторых других крупных городах — русские консульства. Посол бывшего Временного правительства во Франции В.А. Маклаков пользовался большим влиянием во французских правительственных кругах. Благодаря этому русские дипломатические представительства защищали интересы русских эмигрантов, выдавая им различные документы, подтверждавшие их личность, социальное положение, профессию, семейное положение, образование и так далее.<sup>65</sup>

Кроме того, правовое положение русских беженцев во Франции и других странах облегчала деятельность Верховного комиссариата по делам беженцев, который был создан Лигой Наций и возглавлен известным норвежским полярным исследователем Ф. Нансеном. От его имени эти учреждения и его представительства в различных странах получили наименование «нансеновские». Такое же название получил документ, заменивший эмигрантам их национальный паспорт.<sup>66</sup>

Занимаясь вопросами расселения, размещения и трудоустройства эмигрантов, прежде всего русских, нансеновские организации существенно

---

<sup>64</sup> Попов А.В: Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV.—М.: ИЛИ РГГУ, 1998.

<sup>65</sup> Ковалевский П.Е. Указ. соч. с. 17.

<sup>66</sup> Пивовар Е.И., Ипполитов С.С., Карпенко С.В. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. С. 35.

облегчили начальный период социальной адаптации эмигрантов, однако их правовое положение продолжало оставаться достаточно тяжелым. Нансеновский паспорт требовал особого разрешения на выезд из Франции и въезд в нее, а также не снимал ограничения на получение работы.<sup>67</sup>

Особенно такое правовое неравенство начало обостряться с появлением первых признаков мирового экономического кризиса в 1925г. В этой ситуации французские власти стремились не допустить конкурентной борьбы за рабочие места между французами и иностранцами, включая беженцев всех национальностей. Все французские политические партии требовали от правительства принять меры к ужесточению регламентации труда иностранцев и приступили во второй половине 1925г. к разработке соответствующих законопроектов. Интересно, что единственной партией, которая выступила против дискриминации иностранцев при приеме на работу, включая и антибольшевистскую русскую эмиграцию, была коммунистическая партия.<sup>68</sup>

Правовое неравенство беженцев из России проявлялось и в вопросах налогообложения. По французскому законодательству, при начислении подоходного налога сверх прожиточного минимума налогоплательщика, к этой сумме прибавлялось еще три тысячи франков на его жену, а с оставшейся суммы уже брался налог. На русских беженцев этот закон не распространялся по той причине, что не было подписано соответствующее соглашение с СССР. В результате налоговое бремя российских эмигрантов было намного тяжелее, чем для других иностранцев и французских граждан.<sup>69</sup>

Очень редко, но бывали ситуации, когда нормы французского законодательства, сохранившиеся с довоенных времен, существенно облегчали правовое положение русских эмигрантов. Среди таких законов был,

---

<sup>67</sup> Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. XX века (Хроника). М.: Аиро-XX, 1998.

<sup>68</sup> Там же.

<sup>69</sup> Возрождение. Париж, №186, 1925.

например, закон о так называемом эквиваленте — созданный во времена франко-русского союза, он приравнивал русскую среднюю школу к французским лицам, и по этой причине аттестат об окончании русской школы, даже созданной в эмиграции, открывал двери для выпускников во французские высшие учебные заведения. Подобным полузабытым законом пользовались и русские учащиеся французских общеобразовательных школ: воспитанники этих учебных заведений обязаны были изучать один из иностранных языков. В перечне возможных вариантов, наряду с немецким, английским и итальянским, был указан и русский язык, который, естественно, и выбирали российские школьники.<sup>70</sup>

По заключению В.А. Маклакова, главное направление политики французского правительства в отношении русских эмигрантов состояло в следующем: «...Положение русских беженцев во Франции в качестве людей, не имеющих отечества, всегда признавалось французскими властями и даже французским общественным мнением ненормальным и преходящим. Не желая лишать беженцев всякой защиты и обрекать их на полное бесправие, французские власти, тем не менее, всячески избегают всего того, что могло бы доставить им привилегированное положение. В представлении властей беженцы должны мало-помалу раствориться и разложиться: одни из них натурализуются во Франции, другие вернуться в Советскую Россию. Не ставя этого ультиматума немедленно, французские власти, тем не менее, именно поэтому рассматривают беженское положение как преходящее и принимают охотно всякие меры, которые бы содействовали скорейшему уменьшению числа беженцев. Такова общая политика французского правительства и ориентация французского общественного мнения».<sup>71</sup>

---

<sup>70</sup> Возрождение. Париж, № 37, 1925.

<sup>71</sup> Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. XX века (Хроника). М.: Аиро-XX, 1998..

Тяжелое правовое положение русских эмигрантов в Франции ярко раскрывается в переписке между различным русскими организациями в Париже и председателем Эмигрантского комитета Маклаковым. Так, например, председатель Главного управления Российского общества Красного Креста Иваницкий в письме от 5 декабря 1925, г. писал, что в Красный Крест поступает много обращений от русских, которым французские власти отказывают в выдаче или продлении нансеновского паспорта. «При этом из сообщенных сведений, — писал Иваницкий, — выясняется, что по настоящему предмету существует довольно разнообразная и, по-видимому, произвольная практика. В то время как одним выдают и обменивают эти документы беспрепятственно, к другим предъявляют разные неосновательные требования, ведущие в конечном этапе к отказу в выдаче документов и даже к требованию выезда в кратчайший срок (иногда в 24 часа) из Франции.

В качестве наиболее ярких примеров Иваницкий называл следующие: «Одной женщине отказали в выдаче карты ввиду того, что она отлучилась из Парижа без заявления о том, и при производстве проверки ее не оказалось на месте. В связи с этим ей было предложено выехать из Франции в 48 часов. Два лица, только что освободившиеся за истечением срока из Иностранного Легиона, заявляют, что им не разрешают оставаться во Франции и высылают на бельгийскую границу. Одному шоферу отказали в возобновлении документа на том основании, что шоферов достаточно во Франции, в то время как шоферство вообще считается доступным для русских. Служащему в одном торговом доме отказали в возобновлении документа и предложили выехать в 24 часа из Франции под тем предлогом, что на прежнем документе его

профессия была обозначена словом «кооператор», что показалось малопонятным и не соответствующим его современным занятиям». <sup>72</sup>

В письме Маклакову Иваницкий писал, что Красный Крест не имеет возможности оказывать помощь в получении нансеновского паспорта и предлагал обсудить этот вопрос на Эмигрантском комитете, а также «поднять общий вопрос о правах русских беженцев на свободное проживание во Франции и на свободное же приискание себе работы и выбор профессии». Это предложение он обосновывал тем, что «русские находятся во Франции с разрешения французского правительства в громадном большинстве случаев как эмигранты по праву убежища, предоставленного им Францией. Они не имеют возможности вернуться на родину, как другие иностранцы, почему чинимые им очень часто Министерством труда препятствия в отношении приискания труда и избрания рода занятий, а равным образом затруднения при получении документов на жительство, являются неправильными не только с формальной стороны, но и создают для них совершенно безвыходное положение...»<sup>73</sup>

В своем ответе Маклаков подчеркнул, что «право убежища не есть юридическое понятие и никаких особенных прав не дает, единственным специальным правом, присвоенным политическим эмигрантам, было постановление об их невыдаче, но это специальное право не имеет никакого отношения к нашему вопросу...»<sup>74</sup> Далее он писал: "Вы ошибаетесь, предполагая, будто все русские беженцы находятся здесь как эмигранты по праву убежища, предоставленному им Францией... Значительная доля их

---

<sup>72</sup> Попов А.В: Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV.—М.,: ИЛИ РГГУ, 1998..

<sup>73</sup> Там же.

<sup>74</sup> Квакин А.В. Некоторые вопросы изучения истории ассимиляции российской интеллигенции в эмиграции. // История российского зарубежья. М., 1997, с. 73.

получила право въезда во Францию не как эмигранты, а как специальные рабочие силы, подлежащие поэтому и особому контролю и регламентации». <sup>75</sup>

В целом, по мнению Маклакова, у Эмигрантского комитета не было никаких надежд на то, что французское правительство выделит русских беженцев из всех иностранцев и даст им какие-либо привилегии. С другой стороны, плохая редакция французских законов, регламентировавших положение русских эмигрантов, как и других послевоенных эмигрантов, и сама новизна этого дела для французских властей «вызывает не только противоречивые меры в отдельных мэриях и префектурах, но иногда и меры явно бессмысленные и несерьезные». <sup>76</sup> Но, кроме того, сами эмигранты своим незнанием с французскими законами, небрежностью в заполнении официальных бланков и «неправильным убеждением, что трудиться можно без всякого разрешения» дают очень часто повод французским властям применять к ним такие суровые меры, как невыдача паспорта и высылка из страны. <sup>77</sup>

Интересно, что Маклаков считал положение русских во Франции настолько непрочным с правовой точки зрения, что отказался поднимать вопрос о расширении прав русских. Но его мнению, в условиях начинавшегося экономического кризиса это могло привести к обратному результату. Таково же было мнение всего Эмигрантского комитета в 1925 году. <sup>78</sup>

Тем не менее, Эмигрантский комитет и русские круги в Париже, прежде всего журналисты и юристы, поднимали этот вопрос, особенно активно в 1926-1927 гг., когда экономический кризис стал нарастать. Они настаивали перед

---

<sup>75</sup> Селунская В.М. Проблемы адаптации эмигрантов из России в европейском зарубежье 20-30-х годов XX века (По материалам эмигрантской мемуаристики) // История российского зарубежья.

<sup>76</sup> Там же.

<sup>77</sup> Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994.

<sup>78</sup> Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. XX века (Хроника). М.: Аиро-XX, 1998

французским правительством на принятии законов, которые расширили бы права русских на жительство и работу во Франции.

Большое значение для социальной адаптации русских эмигрантов имели мероприятия Верховного комиссариата по делам беженцев и его представительств в разных странах. По его настоянию в мае 1926 г. в Женеве была подписана международная конвенция, которая вводила так называемый «нансеновский сбор». Сбор этот представлял собой плату за оформление «нансеновских» паспортов и других документов для беженцев, которую должны были вносить сами беженцы (например, за наклейку префектурой марки за выдававшееся удостоверение личности). 50 процентов «нансеновского сбора» предполагалось передавать в специально созданный для этой цели «Распределительный комитет» в Париже, члены которого избирались каждые три года Эмигрантским комитетом и утверждались французским Министерством иностранных дел. Эти средства должны были идти на оказание помощи русским эмигрантам, прежде всего во Франции, причем главную роль в распределении средств должны были играть русские эмигрантские организации.<sup>79</sup>

С одной стороны, «нансеновский сбор» помог русским эмигрантским организациям улучшить свое финансовое положение и активизировать материальную помощь эмигрантам в условиях экономического кризиса и растущей безработицы. Распорядительный комитет в Париже, который возглавлял граф Коковцев, распределял эти средства среди различных организаций, оказывавших помощь, прежде всего тем, кто лишился работы и жилья. С другой стороны, «нансеновский сбор» превратился в налог на эмигрантов, которые всеми путями старались избежать его уплаты. Эмигрантам во Франции помогло то, что французское правительство

---

<sup>79</sup> Русские во Франции. С. 18.

присоединилось к этой конвенции только в 1934 г., а до этого «нансеновский сбор» во Франции не носил повсеместный и обязательный характер.<sup>80</sup>

Однако французское правительство, ограничивая права русских на труд, немало делало для укрепления правового положения русских. В этом деле правительственным кругам содействовали не только русские организации, но и широкие круги французской общественности, видевшие свой долг в поддержании хороших отношений с представителями России-союзницы. Так, например, летом 1925 г. русским беженцам, проживавшим во Франции, было разрешено «выписывать» из других стран своих ближайших родственников. К таковым относились супруги, родители, дед, бабка, дети и внуки. Российский эмигрант, желавший выписать кого-либо из перечисленных родственников, должен был подать соответствующее прошение в Министерство Иностранных дел. В этом документе необходимо было изложить сведения о своем материальном и правовом положении, а также сослаться на двух лиц, которые могли бы «подтвердить благонадежность выписываемого». Одновременно родственник просителя должен был подать аналогичное прошение на имя французского консула в стране своего пребывания.<sup>81</sup>

Показательной в этом плане стала активная позиция французской делегации в Женеве 26-28 июня 1928 г. На конференции Международного бюро труда, состоявшейся в этот период, были представлены делегации 15-ти стран, в которые входили представители правительств, предпринимателей и профсоюзов. В конференции также приняли участие приглашенные русские юристы-эксперты.

Французская делегация выдвинула идею заключения конвенции, в соответствии с которой на территории каждой страны, где проживали русские эмигранты, должны были быть организованы особые беженские

---

<sup>80</sup> Ковалевский П.Е. Указ. соч. с. 26.

<sup>81</sup> Возрождение. Париж, № 43, 1925.

представительства с ограниченными консульскими правами. Действуя под общим управлением Верховного комиссариата по делам беженцев, такие организации могли бы выполнять нотариальные и аттестационные функции для лучшей связи между эмигрантами и органами власти страны проживания, в частности, удостоверять семейное положение, права собственности, образование, а также выдавать русским эмигрантам визы при их переезде из одной страны в другую.<sup>82</sup>

Против этого предложения выступили делегации Германии, Эстонии, Латвии и Польши. Связанные особыми отношениями, прежде всего торговыми, с СССР, они не хотели ставить эти отношения под удар. С другой стороны, в прибалтийских государствах проводилась более жесткая политика ограничений по отношению к русским. В результате противодействия этих делегаций конвенция была принята в варианте, который не предоставлял русским эмигрантам тех прав, которых добивались эмигрантские организации, и не разрешал создания особых эмигрантских организаций с ограниченными консульскими правами.<sup>83</sup>

30 июня 1928 г. была подписана разработанная на конференции конвенция о «нансеновских» представительствах в различных странах, которые были наделены ограниченными консульскими правами в отношении русских эмигрантов.<sup>84</sup> Во Франции эта конвенция приняла силу закона после ее подписания президентом 11 января 1930 г. В соответствии с ним на действовавшие во Франции представительства Верховного комиссариата по делам беженцев были возложены консульские функции в отношении русских эмигрантов. Этот закон в виде «Статута русских беженцев во Франции» возлагал на представительства «нансеновского офиса» во Франции, в состав

---

<sup>82</sup> Последние новости. Париж, 1928. 3 июля.

<sup>83</sup> Последние новости. Париж, 4 июля 1928 г.

<sup>84</sup> Русские во Франции, с.9.

которых вошли и бывшие российские посольства и консульства, многочисленные задачи, решение которых во многом облегчало положение русских во Франции.

«Нансеновские» представительства, в соответствии со «Статутом русских беженцев во Франции», имели право удостоверять личность и звание беженца, его семейное положение и гражданское состояние на основании тех документов, которые были ему выданы официальными властями в бывшей Российской Империи и которые он привез с собой во Францию; удостоверять подпись эмигранта; выдавать для местных властей особые удостоверения «о добропорядочности и добром поведении» эмигранта, а также о его прежней службе в России и за границей, его профессии, образовании, университетских или академических титулах. Кроме этого, представительства давали различные рекомендации местным властям для получения вида на жительство, разрешения на работу, для устройства детей в школу и даже для записи в библиотеку.<sup>85</sup>

Принятие «Статуса русских эмигрантов во Франции» упростило взаимоотношения русских эмигрантов с французскими властями, потому что это дало возможность эмигрантским организациям через «нансеновские» учреждения отстаивать интересы эмигрантов перед властями, помогать им решать вопросы с проживанием и трудоустройством, налаживать нормальную жизнь и быт. Как показал опыт 30-х годов, знание «Статута» значительно облегчало русским эмигрантам взаимоотношения с французскими властями, вносило в их положение правовую определенность. Таким образом, та борьба, которую вели русские эмигрантские организации в Париже за улучшение правового положения русских эмигрантов, имела определенный успех и внесла облегчение в их нелегкое существование.

---

<sup>85</sup> Русские во Франции, с. 10.

Не менее сложным было правовое положение русских юридических лиц во Франции. Проблема доказательства своих прав на имущество и капиталы, принадлежавшие российским акционерным обществам и находившиеся за границей, встала перед их правлениями уже в 1917 г., когда начали поступать первые отказы иностранных партнеров под разными предлогами выполнять свои обязательства. В 1918 г., после декрета советской власти о национализации акционерных обществ, практика невозврата средств российских фирм западными банками стала обычным явлением. Предлоги назывались самые различные, но в качестве главного фигурировал довод, что полномочия членов правлений русских акционерных обществ, которым удалось эмигрировать из России, не подтверждены общими собраниями акционеров, а посему и сами правления юридически неправомочны.

За несколько дней до признания советского правительства Францией 22 октября 1924 г. по распоряжению президента Сенского трибунала был назначен временный администратор «над всеми имуществами, правами и интересами, описанными или управляемыми русской ликвидационной комиссией (Commission de Liquidation Russe) или теми, о коих она имеет сведения, а также всеми прочими бесхозяйными имуществами того же происхождения и свойства, с наиболее широкими правами для того, чтобы обеспечить охрану или управление означенными имуществами».<sup>86</sup> Вслед за этим, в начале декабря 1924 г., по распоряжению французского правительства президентом Гражданского трибунала департамента Сены через прокурора республики при этом трибунале был наложен секвестр на имущество российских акционерных обществ во Франции. При этом было заявлено, что названные общества, в особенности русские банки, подчиненные в России советскому законодательству, имели во Франции отделения, правовое

---

<sup>86</sup> Кратский К.В. Без будущего. Белград, 1931.

положение которых в тот момент времени оставалось неопределенным и вынуждало французские власти принимать меры по охране принадлежавшего им имущества, для временного управления которым было назначено специальное ответственное лицо — представитель Франции при Русско-французском третейском суде Жодон. В связи с этим событием возникла юридическая полемика, в которой противники секвестра указывали на то, что распоряжение французского правительства последовало без согласования с кредиторами и акционерами российских банков, среди которых были и французские граждане. С другой стороны, защитники секвестра ссылались на временный характер правительственного распоряжения; на неопределенность юридического статуса отделений российских акционерных обществ в эмиграции, когда самих обществ больше не существовало. В результате жалоб, поданных отделениями нескольких русских банков, действовавших во Франции: Международного, Русско-Азиатского и Русского для внешней торговли банков секвестр с их имущества и капиталов был снят.<sup>87</sup>

Подводя итог в рассмотрении правового положения русской эмиграции во Франции, можно утверждать следующее.

Во-первых, правовое положение российских беженцев во Франции значительно отличалось от ситуации, существовавшей в этом в вопросе в других европейских государствах. В известной степени благожелательное отношение французских властей и населения к русским беженцам, в силу положительных исторических и культурных факторов, связывавших на протяжении многих лет два народа, наложили отпечаток и на правительственную правовую политику в отношении русской колонии. Предоставление регистрационных документов, въездных виз, трудовых сертификатов и разрешений на частную практику во Франции не было

---

<sup>87</sup> Франкфуртская газета. 24.08.1925 г. №596.

сопряжено с такими проблемами, как, например, в Германии, Польше или Бельгии. Кроме того, сама государственная политика в отношении российской эмиграции была направлена на скорейшее решение всего комплекса юридических вопросов, с ней связанных. По этим причинам социальная адаптация русских беженцев во Франции, в правовом аспекте, проходила менее болезненно, чем где бы то ни было. Во-вторых, правовое положение юридических лиц — российских коммерческих организаций, восстановивших свою деятельность во Франции, отличалось неопределенностью и могло бы быть охарактеризовано как существование «не благодаря, а вопреки». Их «юридическое бытие» не регламентировалось французским законодательством и не имело прецедентов в истории коммерческого права. По этой причине российские предприниматели в эмиграции старались как можно скорее скрыть «русское» происхождение капиталов через слияние с французскими предприятиями, создание новых фирм с «нерусскими» названиями и в соответствии с действовавшим национальным законодательством.

Наконец, приходится признать, что правовое положение российской эмиграции в значительной степени зависело от политики французского правительства и других европейских государств в вопросах признания советской власти и сотрудничества с ней. Чем большими становились успехи Советской России на пути признания, тем сильнее обострялись юридические проблемы русского беженства, становясь одним из инструментов в политической борьбе целого ряда сил. Очевидно и влияние экономических интересов европейских государств на правовой статус эмиграции: в погоне за возможной прибылью от сотрудничества с большевистским режимом, иностранные судебные инстанции готовы были пойти на прямое нарушение законодательств в вопросах признания имущественных прав беженцев в угоду пожеланиям национальной буржуазии.

Процесс социальной адаптации не заканчивался после решения материальных, бытовых и иных вопросов, связанных с обеспечением повседневной жизни людей. Эмиграция - тяжелейшее испытание, порождавшее душевный кризис у многих и многих тысяч россиян, вынужденных покинуть свою родину.

Целый комплекс психологических, нравственных, духовных, интеллектуальных проблем ставил человека на грань душевного срыва, зачастую приводя к распаду личности или самоубийству. Среди психологических факторов, оказывавших наибольшее воздействие на сознание и духовный мир русских эмигрантов, были чувство утраты и тоски по родине, понижение социального статуса, языковой барьер, разрыв родственных связей, социальная невостребованность личности в чужом обществе, невозможность интеллектуальной и профессиональной самореализации. Повышенное воздействие названных причин на эмигрантскую массу было обусловлено, главным образом, ее социальным составом. Более 60 % беженцев в той или иной степени имели в России отношение к интеллектуальной деятельности,<sup>88</sup> что делало в России отношение к интеллектуальной деятельности, что делало, с одной стороны, крайне сложной их социальную адаптацию, а с другой — вследствие особенностей духовной организации - наиболее подверженными последствиям психологических страданий. Эти факторы делали самоубийства русских беженцев достаточно распространенным явлением. Вот лишь два, наиболее типичных по своим мотивам.

Русский морской офицер Борис Панфилов застрелился в номере Отелю-де-Петроград, снятом им на одну ночь. В 22 года, сразу после производства в мичманы, Панфилов вынужден был бежать из России в Марсель, где работал

---

<sup>88</sup> Российская эмиграция в Турции... Указ. соч. с. 15.

портовым грузчиком, а позже переехал в Сен-Лоран-де-Вар, где поступил на службу лакеем в богатую семью некоего Папиало. В посмертной записке молодой офицер написал, что больше был не в состоянии выносить моральные унижения и по этой причине покончил с жизнью.<sup>89</sup>

Совсем иные мотивы заставили принять яд присяжного поверенного М.Л. Гольдштейна, члена Союза русской присяжной адвокатуры, уважаемого и состоятельного человека, имевшего возможность жертвовать значительные суммы на благотворительную деятельность. Но смерть жены от тифа подорвала хрупкое душевное равновесие российского эмигранта, не смогшего перенести осознание потери последнего близкого человека. Нравственные страдания эмиграции и кончина любимого человека, слившись воедино, превысили возможности психологической адаптации, что привело к решению покончить с жизнью.<sup>90</sup>

Психологическое состояние русских эмигрантов, оказавшихся не в состоянии перенести изгнание и покончивших с собой, хорошо известно современной науке. Основным мотивом совершения такого рокового шага является потеря смысла жизни, духовных ориентиров в настоящем и будущем. Эмигрантам из военной среды было еще труднее сохранять жизненную мотивацию - годы войны, на протяжении которых многие из них занимали командные посты, а главное, личное восприятие своей роли в этой войне в качестве защитников отечества, воинов своей страны, сформировали у этой категории людей особую, «военную» психологию. Привычка ощущать себя частью коллектива, управлять и быть управляемым, потребность в строгой регламентации повседневной жизни, но, одновременно, осознание важности своего дела для государства — весь этот комплекс мироощущений был разрушен эмиграцией. Следствием этого разрушения стало ощущение

---

<sup>89</sup> Последние новости. Париж, № 549, 1922.

<sup>90</sup> Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., 1997.

«потерянности» в чужой стране; столкновение бесправных русских беженцев с иностранным чиновническим аппаратом рождало чувство неполноценности и протеста, который невозможно было реализовать. И как следствие - отчаяние и потеря веры в будущее.

Этим же мотивом – «переполнением чаши терпения» - обуславливается и тот факт, что общественные пороки, свойственные любому государству, находили благодатную почву в эмигрантской среде. Алкоголизм, люмпенизация, проституция часто становились неперенными атрибутами ее значительной части.

Однако негативные стороны жизни не являлись преобладающими в эмигрантском обществе. Ностальгические переживания влекли за собой стремление к сохранению национального языка и культуры; развитию национальной начальной и высшей школы; к культурной обособленности русских колоний и к возникновению самого понятия «русское зарубежье», как образа «малой» России, «малой» родины на чужбине.

Здесь же кроются причины такого небывалого в истории интеллектуального взлета русской мысли, науки, искусства и литературы в эмиграции. Российские беженцы, преодолев духовный кризис первых лет изгнания, смогли вернуться к созидательной деятельности. И было бы ошибкой считать эту созидательную деятельность стремлением к достижению материального благополучия и только. Российская эмиграция продолжала в собственном мировосприятии оставаться неотделимой частью своей родины и находить в себе силы творить во имя ее величия. Изучение и переосмысление истории России, прогнозирование путей ее экономического и политического развития, создание новых и совершенствование существовавших теорий государства и права осуществлялись русскими учеными в надежде и уверенности, что этот труд послужит будущему величию их родной страны.

Хантингтон давал в своей книге такую оценку психологическим качествам российских эмигрантов: «Храбрость в неудаче. Многие из них, приученные к простой жизни в прошлом, проявляли теперь удивительное самообладание... В контакте с западной жизнью, они стали более практичными и «определенными». Наиболее заметное русское достоинство - адаптируемость, и оно демонстрируется в огромном масштабе. Их иностранные друзья часто удивлялись, когда замечали, как русские встречали новые условия жизни в изгнании».<sup>91</sup>

В то же время, Хантингтон отмечал, что российские беженцы с большим трудом переносили «...одиночество и увеличенную ностальгию» вдали от своей родины и близких.<sup>92</sup>

Не менее важна была и личная самореализация, возможность доказать себе и «всему миру» духовное величие русского человека, которого не сломило изгнание и который продолжает оставаться гражданином великой страны. Здесь же были сокрыты и истоки движения возвращенчества. Репатриация среди русских беженцев начала приобретать достаточно крупные масштабы еще в Константинополе, но в тот период она носила стихийный, неорганизованный характер и была вызвана в значительной степени материальными факторами - нищетой, голодом, отсутствием работы и надежд получить ее в будущем. Во Франции середины 20-х годов репатриация приобрела принципиально иные черты. На родину стали возвращаться вполне обеспеченные люди, добившиеся в эмиграции известности и материального достатка. И не только тоска и невозможность психологической адаптации на чужбине побуждали этих людей возвращаться в Россию. Среди русской творческой и научной интеллигенции в эмиграции постепенно возникло сознание оторванности от тех исторических преобразований, которые, по их

---

<sup>91</sup> Huntington W.C. The Homesick miUion. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933, p.28.

<sup>92</sup> Huntington W.C., p. 27.

мнению, совершались на родине. Одновременно крепло чувство, что они еще нужны, что они смогут быть полезными и использовать накопленный интеллектуальный потенциал для своей страны.

Репатриация этих людей являлась полностью осознанным, выстраданным шагом и проходила в ожесточенной идеологической борьбе с той частью российской эмиграции, которая продолжала занимать непримиримую позицию во всех вопросах, связанных с признанием советской власти, сотрудничества с ней и тем более возвращения в Советскую Россию. Подобная бескомпромиссность — еще одна часть широкого спектра массовых настроений и политических пристрастий русского беженства. Репатриация была доступна очень немногим, главным образом тем, кто не принимал участия в военных действиях в составе белых армий, а оказался в эмиграции случайно, под влиянием общих панических настроений, страха и других причин. Значительно большая часть русских во Франции не могла вернуться в Россию ни при каких условиях - для них это означало бы потерю свободы или жизни сразу при пересечении границы. Необходимо отметить, что и всех тех, кто вернулся, в не зависимости от наличия вины перед советской властью, рано или поздно ждала та же участь. Одно из немногих исключений - Алексей Толстой, получивший от большевистского правительства все мыслимые награды и умерший своей смертью. Те же, кто оставался, искали возможности к психологической адаптации в попытках поддерживать иллюзию участия в борьбе; иллюзию активной деятельности против советской власти. Именно по этой причине такое распространение в эмиграции получили разного рода воинские союзы и объединения бывших участников Белого движения. Их «борьба», в отличие от реальных рычагов, которыми располагали финансово-промышленные круги русской эмиграции, сводилась главным образом к воспоминаниям о делах «давно минувших дней» и к демонстративным заявлениям о своей непримиримой позиции. Однако и такая деятельность

способствовала социальной адаптации русского беженства, смягчая осознание своей не востребованности.

Существовала еще одна психологическая особенность взаимоотношений бывших участников белого движения, офицеров и рядовых добровольческих армий. Чувство фронтового коллективизма, ощущение «единой семьи», спаянной трудами и лишениями общей борьбы, длительное время существовали и поддерживались в среде русской военной эмиграции. Такая духовная связь была крайне важна на первых этапах социальной адаптации, давая людям, пусть иллюзорное, «чувство локтя» в чужой стране. Иногда такие эмоции были направлены на бывших военных начальников, с которыми рядовые казаки принимали участия в гражданской войне. В фонде канцелярии Донского атамана Африкана Петровича Богаевского в Париже хранятся красноречивые документы о подобных взаимоотношениях. Так, например, казак Захар Фирсов на протяжении нескольких лет почти каждый месяц присылал своему бывшему атаману подробные письма о своей жизни в Канаде и Латинской Америке, и что не менее важно — Богаевский хранил эти письма и отвечал на них.<sup>93</sup> В том же фонде сохранился еще один интересный источник, не сравнимый по своему эмоциональному накалу ни с одним другим, который дает представление о путях психологической адаптации русских беженцев. Это письмо из колонии донских казаков в Югославии А.П. Богаевскому в Париж в мае 1926 г. Среди прочего, в нем есть такие строки:

«... а вот когда становится тяжело, неумогию тяжело, то не в песне ищем забвение, а ищем душу родную, свою близкую, хорошую, понимающую нас и любящую. И тогда, атаман, к Тебе и с Тобой наша мысль, душа и любовь. Да иначе и быть не может, разве не Ты наш Атаман, поставленный волей всего войска, Круга, разве не Ты воплощение всего самого дорогого, самого святого

---

<sup>93</sup> Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., 1997.

для нас - нашей родины, нашего Тихого Православного Дона». <sup>94</sup> Объяснять подобные слова конъюнктурными соображениями или лестью было бы упрощением явления. Думается, что подобное проявление чувств было вызвано боязнью душевного одиночества, боязнью разорвать те тонкие нити, которые связывали между собой русских людей в эмиграции.

Еще одной особенностью духовной жизни русской эмиграции стал огромный спрос на русскоязычную прессу, издания русской классики и современных авторов, как эмигрантов, так и советских. Русские издатели, начинавшие свою деятельность в эмиграции в расчете на узкий круг заинтересованной «просвещенной» публики, с удивлением обнаруживали спрос на свои издания среди всех социальных слоев российского беженства. В первой половине 20-х годов издательства возникали одно за другим, и все равно русского слова не хватало. В 1924 г. был создан своего рода международный клуб по обмену старыми русскоязычными газетами, которые рассылались в самые отдаленные страны русского беженского «рассеяния». Более того, к чтению русских газет пристрастились даже малообразованные казаки и солдаты, едва знавшие грамоту. Сохранились письма от русских казаков, служивших в составе французского Иностранного Легиона с просьбами высылать им газеты, журналы и книги на русском языке. <sup>95</sup> Русское печатное слово стало, таким образом, для российской эмиграции мощным связующим элементом и средством социальной адаптации.

Некоторыми особенностями отличалась психология представителей русских предпринимательских кругов в эмиграции. Интересен в этом смысле пример члена правления Московского Купеческого банка Г.Д. Чаманского. В течение первых трех лет пребывания на чужбине этот человек лишился очень

---

<sup>94</sup> Там же.

<sup>95</sup> Попов А.В: Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV.—М.,: ИЛИ РГГУ, 1998.

большого, даже по старым российским меркам, состояния, которое ему посчастливилось незадолго до 1917 г. перевести в акции иностранных компаний. Причем происходила эта потеря очень своеобразно. Г.Д. Чаманский тратил огромные деньги, останавливаясь в лучших европейских отелях и, устраивая роскошные званые вечера от имени Московского Купеческого банка, он расходовал при этом свои собственные деньги. Он объяснял такое нестандартное поведение желанием поддержать престиж банка за границей. И хотя он добился этим прямо противоположного результата - банк был обвинен акционерами в неразумном расходовании средств - сам факт говорит о многом. Можно предположить, что в сознании русских людей, оказавшихся вдали от родины, даже несмотря на то, что многие из них продолжали оставаться довольно состоятельными людьми, произошел нравственный надлом, обусловивший очень четко просматриваемый регресс во всем образе мышления российской эмиграции. В Европе 20-х годов уже не было щедрых русских купцов-меценатов, тративших миллионы на поддержку науки и искусства. Они превратились в сломленных, тоскующих людей, проедавших остатки своих состояний, в надежде, что все «как-нибудь образуется». Характерен пример А.А. Фон-Лампе, потратившего несколько месяцев на попытки убедить крупнейшее русское страховое общество «Саламандра», восстановившее свою деятельность в Европе, профинансировать издание «Белого дела». Отклика на свои просьбы он так и не нашел.<sup>96</sup>

Совершенно непонятной особенностью мировоззрения русских предпринимателей, особенно учитывая те условия, в которых им приходилось жить и восстанавливать свой бизнес за границей, был национализм. Казалось бы, тяжелейшие потрясения революции, гражданской войны и эмиграции должны были переплавить подобного рода предрассудки, однако этого не

---

<sup>96</sup> Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). М.2000.

произошло. Частое упоминание в деловой переписке и переговорах национальности оппонента или партнера; отказ от сотрудничества или объяснение результатов голосования при выборах в руководящие органы фирмы ссылками на национальную принадлежность (еврей, армянин и пр.), говорят о том, что в среде русских деловых людей это явление продолжало оставаться очень сильным. Характерно, что национализм — общая беда всего белого движения, сыгравшая роковую роль в его развитии и результатах, был практически изжит в тот короткий отрезок времени, когда остатки врангелевской армии и значительное число гражданских беженцев оказались в константинопольской эмиграции. Такое различие между идеологией русского предпринимательства и остальной - подавляющей частью российской эмиграции - объясняется тем, что практически все обладатели крупных состояний в России, сумевшие сохранить или вывезти свои капиталы и ставшие впоследствии ядром русского бизнеса за границей, успешно и легко избежали лишений и испытаний константинопольского периода, купив себе и своим семьям за большие деньги заграничные паспорта или визы стран Западной Европы, и, более или менее комфортно, разместившись на их территории.

## **ГЛАВА 2. Экономический аспект взаимоотношений русской эмиграции с французским государством и обществом**

### **2.1. Рынок труда, трудовая миграция и трудоустройство российских эмигрантов**

Рынок труда Франции в 20-х годах XX века складывался под влиянием общеевропейских тенденций социально-экономического развития. Бурный рост обрабатывающих и машиностроительных отраслей промышленности в начале 20-х годов обусловил возрастание спроса на инженерно-технический персонал. Параллельно росло количество рабочих, занятых в этих отраслях производства. Относительному благополучию французской экономики, по сравнению с другими странами послевоенной Европы, способствовало и ее выгодное географическое положение, обеспечивавшее большое количество рабочих мест в портовых городах. Кроме того, активная колониальная политика Франции в этот период требовала постоянного пополнения Иностранного легиона, комплектование которого только за счет французских граждан было невозможным. Наконец, традиционно развитая во Франции индустрия моды, развлечений и отдыха требовала постоянного притока представителей творческой интеллигенции, обслуживающего и технического персонала. Все эти факторы, наряду с относительно более высоким уровнем оплаты труда и благоприятными условиями социальной адаптации, стимулировали трудовую миграцию во Францию из других европейских государств. К концу 1922 г. в стране было зарегистрировано 900 тысяч иностранцев; еще около 100 тысяч ожидали выдачу карт-де-идантите<sup>97</sup>. Прибытие во Францию российской эмиграции не могло оказать радикального влияния на рынок труда, стимулируя рост безработицы или создав

---

<sup>97</sup> Последние новости. Париж, № 548, 1922.

диспропорции спроса и предложения рабочей силы в каких либо отраслях промышленности.

Главным условием успешной социальной адаптации русских эмигрантов являлось возможно скорейшее трудоустройство по прибытии во Францию. Задача эта была сложной, но большинство российских беженцев, рано или поздно, сумели ее решить. Интересен в этом смысле подход к решению названной проблемы среди различных социальных групп эмиграции. Понятно, что двухмиллионная эмиграция вообще, и двухсоттысячная ее часть во Франции не могла быть исключительно элитной. В массе своей она была трудовой. Поэтому процесс адаптации базировался на различных уровнях разрешения социально-экономических проблем, в том числе трудоустройства, материального обеспечения различных социально-профессиональных групп эмигрантов. Беженцы, имевшие специальности «широкого профиля» легче и быстрее проходили «период бытовой адаптации», устраиваясь на низкоквалифицированные работы. В то же время, в отечественной историографии, на основании многочисленных эмигрантских мемуаров, сложилось представление о трудоустройстве русских беженцев, как о непрерывной череде мытарств: «...Разорение, нищета преподавание гимнастики, ухаживание за больными в Ницце, кинематографические съемки в роли статиста, чтение вслух слепому банкиру. Экзамен на шофера в Париже. И тоска, тоска, тоска бесконечная». <sup>98</sup> Примерно таким штрихами, на основании мемуарных источников, дается описание трудоустройства русских беженцев в статье В.М. Селунской, опубликованной в сборнике «История российского зарубежья», посвященной этой проблеме. И далее автор делает вывод: «...самым уязвимым местом в жизни эмигрантов были неблагоприятные

---

<sup>98</sup> Селунская В.М. Проблемы адаптации эмигрантов из России в европейском зарубежье 20-30-х годов XX века // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов. М., Институт российской истории при РАН, 1996, с. 45.

для них условия на рынке труда, значительно худшие, чем для коренных жителей данной страны.»<sup>99</sup> Такое утверждение можно принять лишь с большими оговорками. Источниковая база, на основании изучения которой были сделаны приведенные выше выводы, и не могла содержать что-либо иное, нежели драматические описания бывшего дворянина без профессии и особо глубоких знаний, а главное без желания заниматься «грязной» работой, и в качестве альтернативы подрабатывавшего «преподаванием гимнастики» или «чтением вслух». Ситуация с выходцами из рабочей и крестьянской среды дореволюционной России в эмиграции была принципиально иной.

Уже в 1921 г. Центральным объединенным комитетом русских общественных организаций в Константинополе было получено сообщение из Чехословакии о желании чешского правительства пригласить «...5000 русских хлебопашцев»<sup>100</sup>. Франция, в середине 20-х годов испытывавшая острые демографические проблемы из-за диспропорции женского и мужского населения в

стране в пользу первого,<sup>101</sup> обенно была заинтересована в притоке мужчин трудоспособного возраста, которые и составляли основную часть русской эмиграции. Значительные потери, понесенные Францией в первой мировой войне, легли, главным образом, именно на сельское население страны. К середине 20-х годов ситуацию во французском сельском хозяйстве можно было назвать критической. Пустовали тысячи ферм, коренное население стремилось переезжать в города. Французская промышленность, как уже говорилось выше, также была заинтересована в притоке русских рабочих. Высокая работоспособность, аполитичность и стремление заново построить свою жизнь на чужбине делало российских беженцев привлекательной

---

<sup>99</sup> Там же, с. 51.

<sup>100</sup> Пивовар Е.И., Ипполитов С.С., Карпенко СВ. Указ. соч. с. 27.

<sup>101</sup> Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов. // История российского зарубежья. Указ. соч. с.

рабочей силой на французском рынке труда. Как относительно неблагоприятные можно было охарактеризовать условия трудоустройства в крупных городах: Париже, Марселе и некоторых других. Ускоренный прирост населения из-за миграции сельских жителей и притока беженцев из России создавали серьезную конкуренцию на рынке труда. Однако и там ситуация для русских беженцев не выглядела безнадежной, подтверждая тезис о высоких адаптационных возможностях российской колонии.

Большинство русских, прибывших во Францию по специальным визам и направлениям на конкретное место работы в середине 20-х годов, были вынуждены следовать всем французским законам и своевременно оформлять и продлевать все необходимые документы, разрешавшие им проживание и работу во Франции.<sup>102</sup> Как правило, это были люди из средних слоев российского общества, офицерства и интеллигенции, которые приехали во Францию после нелегкой жизни в других европейских странах. Несмотря на маленькую зарплату и проживание в простых и самых дешевых комнатах, снятых в бедных кварталах французских городов, они считали жизнь в этой стране значительно более лучшей.<sup>103</sup> Впрочем, многие русские эмигранты интеллигентных профессий работали без каких-либо разрешений. Но в случае проверки, которые часто проводились чиновниками Министерства труда и Министерства внутренних дел, таких людей могли выслать из Франции как нарушителей закона.<sup>104</sup>

Существенную роль в трудоустройстве русских беженцев играли российские общественные организации. Они оказывали эмигрантам, главным образом, информационные услуги, получая от работодателей сообщения о наличии рабочих мест раньше, чем они появлялись в газетах. Благодаря этому,

---

<sup>102</sup> Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). М.2000.

<sup>103</sup> Huntington W. Op. сИ P/ 61-62.

<sup>104</sup> Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., 1997.

беженцы имели возможность первыми прибыть для собеседования и повысить тем самым свои шансы на трудоустройство. Поиск работы российским беженцем в Париже выглядел, примерно, следующим образом: «...Запасшись ворохом утренних и вечерних французских газет и вооружившись словарем, он тщательно отмечает подходящие объявления с предложением труда. Начинается беготня вдоль и поперек всего необъятного Парижа. Всюду его любезно встречают, мгновенно узнают в нем иностранца, вежливо отказывают и он мчится дальше. На второй или третий день безработный понимает, наконец, в чем дело и, подумав немного, идет в русские организации, то есть делает то, с чего он раньше начал бы, если бы совсем не знал французского языка.... Безработный занимает очередь, просматривает на стене листки объявлений под номерами, тщательно записывает или запоминает подходящие ему. В маленькой комнатке его спрашивают и дают несколько адресов... Безработный идет в другие учреждения. Ему дают рекомендательные письма. Последнее имеет большое значение для первого этапа найма на завод: с ним консьерж пропустит вас в приемную, хотя бы только перед тем он объявил толпе нанимающихся свое коротенькое: «комплэ»<sup>105</sup> ... Надо иметь ввиду, что обычно на завод надо ходить и два, и три, и пять раз, пока не улыбнется счастье.»<sup>106</sup>

Те, кто сумел устроиться на автомобильных заводах Рено или Пежо, считавшихся «китами, на которых опирались русские новички в Париже»<sup>107</sup>; на химических и других предприятиях, жили часто так, что у них едва хватало получаемого ежедневного заработка на питание и оплату жилья. Многим из них, особенно представителям интеллигенции и офицерства, морально было тяжело заниматься наемным физическим трудом. С началом экономического

---

<sup>105</sup> Фр.: Комплект; укомплектовано.

<sup>106</sup> Возрождение. Париж, № 442, 1926.

<sup>107</sup> Возрождение. Париж, № 50, 1925.

кризиса в конце 20-х годов, когда во всех европейских государствах, включая Францию, начала обостряться безработица, иностранцев увольняли в первую очередь. Однако на заводах сохранить работу было легче, чем в других местах.<sup>108</sup>

Иногда крупные французские заводы, испытывавшие потребность в дешевой рабочей силе, организовывали переезд российских беженцев из Константинополя и Балканских государств, беря на себя дорожные расходы от границы Франции до «ворот завода», а также юридическое обеспечение переселения, но с обязательным условием подписания рабочими контракта на срок не менее трех месяцев. Среди французских заводов, практиковавших такую форму найма рабочих, были металлургические предприятия Сент-Этьен, Клермон, Шавалль-Дрюно, Жиро;<sup>109</sup> добывающие комбинаты Фэрриэр оз-Этан, Монтебра, Клермон-Ферран.<sup>110</sup> По сохранившимся сведениям, в 1921-1922 гг. многие русские беженцы, получившие работу таким путем, старались как можно скорее покинуть нанявшее их предприятие, что дает основание предполагать тяжелые условия работы и несоответствовавшую ей оплату труда.<sup>111</sup> К середине 20-х годов ситуация несколько изменилась. Прибытие во Францию организованных групп российских беженцев из казачьей среды и их «трудовые успехи» положительно сказались на отношении работодателей к русским рабочим. В 1925 г. в промышленных пригородах Парижа русские рабочие могли рассчитывать на жилье, предоставлявшееся администрацией заводов по льготной арендной плате; иногда рядом с таким жильем русским беженцам удавалось разбить огород, что служило серьезным подспорьем для их семей.<sup>112</sup>

---

<sup>108</sup> Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). М., 2000.

<sup>109</sup> Возрождение. Париж, X2 29, 1925.

<sup>110</sup> Там же, №32, 1925.

<sup>111</sup> Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., 1997.

<sup>112</sup> Возрождение. Париж, № 32, 1925.

Транзитные перемещения российских беженцев через европейские государства финансировались, помимо названного источника, из российских казенных средств, находившихся в распоряжении Сопровожения послов, а также из остатков так называемых "полковых сумм", если речь шла о переезде организованных групп казаков на работу в другие страны. В первом случае деньги на оплату проезда выдавались в форме возвратной ссуды, которую эмигрант должен был погасить из своего заработка, что, впрочем, было маловероятно.<sup>113</sup> Несколько облегчало процесс трудовой миграции российских беженцев благожелательное отношение к этому вопросу Лиги Наций, также выделявшей определенные средства. Помимо этого, законодательства некоторых государств, в частности Швейцарии, предоставляли льготы до 50% на оплату проезда через их территорию для организованных групп «трудовых переселенцев», каковыми очень часто оказывались именно русские беженцы.<sup>114</sup>

К середине 20-х гг. процесс «стягивания» во Францию русских эмигрантов начал приобретать все более активный характер. Возможность относительно высокого заработка и лучшие по сравнению с Балканскими государствами условия труда привлекали российских беженцев. Кроме того, неожиданно оказалось, что казачьи группы, сохранившие в эмиграции полувоенную организацию, дисциплину и единоначалие пользуются на французском рынке труда большим спросом. Они оказались в состоянии составлять конкуренцию не только разрозненным российским беженцам, но и французским рабочим. Высокая работоспособность, дисциплина, обучаемость делали казачьи группы желанной рабочей силой на французских заводах.

---

<sup>113</sup> Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). М., 2000.

<sup>114</sup> Там же.

Отсутствие рабочих специальностей в таких случаях не являлось непреодолимым препятствием для русских казаков. Например, на вопрос администрации завода о специальности «...стоило одному сказать, что он умеет гайки отвинчивать, как чуть не все заявляли, что их специальность — тоже гайки отвинчивать.»<sup>115</sup> Тем не менее, начав с неквалифицированного труда, например, на вагоноремонтном заводе, уже через три месяца русские рабочие начинали считаться специалистами и могли рассчитывать на прибавку к зарплате, составлявшей в 1925г. 2 франка 25 сантимов в час при 8-ми часовом рабочем дне.<sup>116</sup>

Руководители казачьих групп, переселявшихся во Францию, понимали те преимущества, которые давала военная организация для успешной социальной адаптации их «подчиненных» и всеми путями старались сохранить и продлить такое положение вещей. Так, например, генерал-майор Оприц в августе 1924 г. привез из Югославии во Францию дивизион лейб-казаков, размещенных им на работу в городе Деказевилль. В своем письме А.П. Богаевскому генерал писал, что «единственным минусом» в этом переезде «...является беспринципная и безыдейная русская беженская масса» в городе, «...среди которой очень много опустившихся и спившихся людей.»<sup>117</sup> Своей главной задачей в этой связи генерал Оприц считал, «пользуясь сплоченностью и организованностью своих казаков» стремиться поднять их заработок выше заработка гражданских беженцев и поставить «своих» в лучшие жизненные условия, а кроме того «...удерживать слабых от нравственного разложения под влиянием окружающей массы беспринципного беженства.»<sup>118</sup>

---

<sup>115</sup> Федюк В.П., Урядова А.В. История русской эмиграции 1917-1939. / В.П. Федюк, А.В. Урядова. Ярославль, 2006. С. 6

<sup>116</sup> Там же с.31.

<sup>117</sup> Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980-2005 гг. / А.А. Пронин. М., 2015. С. 5

<sup>118</sup> Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. / И.В. Сабенникова. Тверь, 2002. С. 34.

Нередко возникала ситуация, когда стремившиеся на работу во Францию казаки оказывались заложниками во внутривнутриполитической борьбе руководства казачьих союзов и объединений. Стремление отдельных лидеров поставить под свой контроль трудовую миграцию российских беженцев объяснялось отчасти желанием получить доступ к финансированию, которое осуществляло Министерство труда Франции и ряд международных организаций для этих целей, отчасти борьбой за влияние в эмигрантских кругах. Результат такого «перетягивания одеяла», как правило, был один: срывались запланированные переезды во Францию из других стран русских беженцев, что зачастую вело к окончательному их обнищанию. Так, например, в октябре 1923 г. была сорвана перевозка во Францию 275-ти казаков из Греции, организованная А.П. Богаевским через французское Министерство труда. В последний момент свои «права на распоряжение перевозкой» заявил граф М.Н. Граббе, в результате чего французы, сбитые с толку подобной неразберихой, прекратили финансирование и организацию переезда.<sup>119</sup>

Впрочем, нельзя не упомянуть и о противоположной ситуации, когда во Францию перевозилась группа русских беженцев для работы на предприятии по контракту, а по прибытии на место «отказывалась работать и разбрелась», чем вызывала «крайнее озлобление» организовывавших переезд предпринимателей и ставила под удар возможность переезда следующих групп.<sup>120</sup>

Казачьи группы, переселившиеся во Францию и получившие постоянную работу, часто создавали поселения — казачьи станицы, где вели изолированную от остального общества жизнь по традициям и законам, укоренившимся в их среде еще на родине. Станицы сохраняли формальное подчинение войсковым атаманам, испрашивая у последних утверждения всех

---

<sup>119</sup> Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. / П.Е. Ковалевский. Париж, 1973.

<sup>120</sup> Адамович Г.В. Одиночество и свобода. / Г. В. Адамович. СПб, 1993.

важных решений, принимавшихся общими собраниями казаков.<sup>121</sup> В таких изолированных русских поселениях создавалась своя собственная культурная среда, в очень малой степени подверженная влияниям извне. Строились православные церкви, русские школы, как общеобразовательные, так и церковно-приходские, создавались своего рода «музеи боевой славы», где хранились полковые знамена и другие военные реликвии, и так далее.

Руководство казачьих союзов и объединений было заинтересовано в увеличении количества и расширении подобного рода станиц во Франции. Так, например, донской атаман А.П. Богаевский в августе 1923 г. писал в письме: «В Париже в настоящее время уже образовалась Донская станица, которая насчитывает в своем составе до 150 казаков. Туда же я перетаскиваю еще 300 казаков из Германии и 200 из Греции».<sup>122</sup>

Сравнительно большая русская колония нашла работу в Марселе. С декабря 1923 г. по июль 1925 г. через этот французский порт прошло более 150 тысяч русских беженцев, главным образом из Константинополя. К 1925 г. в Марселе осталось около 2-х тысяч русских, работавших на заводах и вокзалах города. Наиболее выгодной считалась работа в порту по разгрузке судов и на сахарных заводах. Здесь заработная плата составляла от 18-ти до 24-х франков за восьмичасовой рабочий день. Самым крупным русским поселением в Марселе являлся «лагерь-общежитие» «Виктор Гюго» - частное предприятие, существовавшее на коммерческой основе.<sup>123</sup>

Крупная русская колония обосновалась в Лотарингии. В этом горном районе Франции находились металлургические заводы «Общества металлургии Кнютанжа». Заводы были окружены рабочими поселками: Кнютанж, Нильванж, Айянж, Альгранж, в которых жили около 1000 русских

---

<sup>121</sup> Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. / Л.К. Шкаренков. М., 1987.

<sup>122</sup> Адамович Г.В. Одиночество и свобода. / Г. В. Адамович. СПб, 1993.

<sup>123</sup> Возрождение. Париж, № 47, 1925.

рабочих, попавших на предприятие по трудовым контрактам из Польши, Сербии и Болгарии. Условия работы на заводе практически не отличались от других предприятий такого же профиля: восьми часовой рабочий день, низкая оплата труда для рабочих-контрактников и высокая текучесть кадров, стремившихся, после окончания контракта, перебраться поближе к Парижу. Тем не менее, отношение администрации завода к русским рабочим было благожелательным. Российской колонии в Нильванже дирекцией предприятия было бесплатно предоставлено помещение для православной церкви; семейные рабочие жили в заводских квартирах по льготным арендным ценам.<sup>124</sup>

Конец 20-х годов, отмеченный резким ростом безработицы на промышленных предприятиях Франции, сильнее всего затронул русских рабочих. При трудоустройстве им приходилось преодолевать не только конкуренцию рабочих-французов, но очень часто оказываться объектами политической борьбы. Подобная ситуация сложилась, например, в провинциальном городе Омон. Каждый безработный, которому удавалось найти новое место для трудоустройства, должен был выполнить формальную процедуру получения разрешения в так называемом *bureau de placement*. Обычно эта процедура носила автоматический характер и не вызвала затруднений ни у местных жителей, ни у безработных иностранцев. Однако в отношении русских беженцев, создавших в Омоне казачий хутор «Имени атамана Ермака», чиновник названного департамента начал проявлять острую неприязнь, которая выразилась в отказе предоставлять необходимые для трудоустройства справки под тем предлогом, что «Франция не заключала рабочей конвенции» с русским правительством. Следует отметить, что описанные события происходили в 1931 г., после принятия международных и

---

<sup>124</sup> Возрождение. Париж, № 215, 1926.

национальных документов, определивших правовой статус российской эмиграции. Объяснение оказалось довольно простым: чиновник состоял членом французской коммунистической партии и по этой причине питал к русским беженцам вполне понятную ненависть, абсолютно справедливо считая их контрреволюционерами. Дело дошло до того, что все русские безработные уже подыскивали себе новые места, работодатели были согласны принять их на работу, но отсутствие справки от bureau стало непреодолимым препятствием.<sup>125</sup>

Нередким явлением на французских заводах были случаи травматизма, производственные аварии, в которых гибли или получали увечья люди. Часто пострадавшими становились русские рабочие. Так, например, в 1926 г. на химическом предприятии в Сент-Обань произошел взрыв резервуара с жидким хлором, в результате которого погибло и получило ранения 26 человек. Среди погибших оказались и трое русских рабочих: полковник А.П. Евглевский, князь С.В. Масальский и поручик Л.А. Черниго. Все русские беженцы, работавшие на заводе, прибыли во Францию по контракту и не могли переехать в другое место до окончания оговоренного срока. Изношенное оборудование и отсутствие какой бы то ни было охраны труда были характерной чертой большинства французских предприятий в 20-е годы. Несчастные случаи с рабочими на крупных заводах происходили ежедневно; серьезные аварии — почти каждый год.<sup>126</sup>

Во второй половине 20-х годов в среде русской рабочей эмиграции начало проявляться стремление к переходу на сельскохозяйственный труд. Такая тенденция объяснялась рядом причин. Во-первых, социальная структура российских беженцев делала такой переход вполне логичным, поскольку

---

<sup>125</sup> Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. / В.В. Комин. Калинин, 1977.

<sup>126</sup> Возрождение. Париж, № 565, 1926.

большая часть из них была знакома с работой на земле еще в России. Во-вторых, повышение стоимости продуктов питания во Франции в середине 20-х годов делало их производство, с одной стороны, высоко рентабельным занятием, одновременно обеспечивая русские семьи продовольствием в условиях приближавшегося мирового экономического кризиса. Массовые увольнения рабочих на промышленных предприятиях Парижа, начавшиеся в конце 1926 г. и затронувшие, главным образом, иностранцев, делал переселение в сельскую местность для русских беженцев едва ли не единственной возможностью выжить. Например, в ноябре 1926г. завод Рено уволил 1500 человек; Ситроен - столько же; Деляж- 300, и процесс этот продолжался.<sup>127</sup> Кроме того, были причины и чисто психологические: русские казаки с большим трудом адаптировались к жизни наемного рабочего не промышленном предприятии.

Для русских эмигрантов во Франции в середине 20-х годов существовало несколько возможных вариантов занятия сельскохозяйственным трудом:

1. наемная работа по контракту за 275-300 франков в месяц с питанием и жильем. На эту работу попадали главным образом российские беженцы из Балканских государств и Турции, для которых подписание трудового контракта было единственным способом перебраться во Францию. Из ежемесячной заработной платы они вынуждены были выплачивать половину суммы для покрытия расходов за переезд. После окончания срока контракта, русские рабочие, как правило, стремились найти другую работу.

2. Два варианта полусамостоятельного сельскохозяйственного труда:

- Первый, так называемый, «метр-вале» (хозяин-слуга). Работник получал в свое распоряжение небольшую ферму, определенное количество денег, вино, сад с огородом для потребностей семьи, и

---

<sup>127</sup> Возрождение. Париж, № 542, 1926.

домашних животных. За это он должен был выполнить установленное хозяином фермы производственное задание, но работал он самостоятельно.

- Второй вариант назывался «метаяж» (компаньон хозяина). Работник получал тот же перечень средств и орудий производства, но урожай и приплод скота распределялись уже в соотношении 50 на 50 с хозяином фермы.
- 3. Последний тип сельскохозяйственного производства представлял собой долгосрочный контракт с правом выкупа земли и требовал достаточно крупных капиталовложений, что являлось практически невыполнимым условием для русских беженцев. Однако, и этот вариант был освоен российскими эмигрантами, что будет рассмотрено в следующем параграфе.<sup>128</sup>

Некоторой части русских офицеров удалось во Франции продолжить свою военную карьеру. Французское правительство нуждалось в регулярном пополнении Иностранного легиона, которое происходило как раз за счет людей, имевших военный опыт и, одновременно, не имевших средств к существованию. Кандидатам на военную службу не требовалось даже предоставлять какие-либо документы, удостоверявшие личность— запись в Иностранном легионе осуществлялась лишь на основании желания кандидата. Таким требованиям в полной мере отвечали русские эмигранты из офицерской среды. Некоторым из них предоставлялось французское подданство и тяжелейшая служба в африканских колониях — Бельгийском Конго<sup>129</sup> (Алжире), Марокко или других подобных местах, для которых не находилось добровольцев-французов.

---

<sup>128</sup> Возрождение. Париж, № 371, 1926.

<sup>129</sup> Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. / В.В. Комин. Калинин, 1977.

Условия, в которых происходила вербовка русских беженцев во французский Иностраный легион больше напоминали продажу в рабство. Кандидатам предлагалось поставить свою подпись под контрактом, в котором были пробелы в тех местах, где оговаривались сроки службы и оплата. Так, например, попал на французскую военную службу 14-ти летний русский юноша - в течении двух суток его продержали в полицейском участке в Марселе без еды, после чего предложили подписать подобный контракт. Спустя некоторое время он уже был в составе Иностранного легиона в Африке, где его ожидала пятилетняя служба за нищенское вознаграждение.

Французские военные власти шли и на прямой обман, рекламируя службу во французской армии и обещая 160 франков в месяц и единовременное вознаграждение по окончании службы в размере 4 тысяч. На самом деле, русские легионеры за каторжную работу в колониях получали не более 75 сантимов в день, что с трудом могло обеспечить полуголодное существование.

Условия службы были действительно каторжными. Письма русских легионеров в общественные организации содержали красноречивые описания их положения: «...только что пришел с каторжной работы, копал киркой от 6 часов утра до 12 часов дня...После обеда с 3-х до 6-ти — то же занятие... и все это, не взирая на жару и усталость... Отношение к нам, русским, самое ужасное.»<sup>130</sup>

В то же время, русские легионеры считались наиболее «дисциплинированной и боеспособной, и наиболее ценимой частью» состава Иностранного легиона. «На долю русских легионеров выпала тяжесть борьбы с рифлянами, кабиллами, туарегами, друзами и другими восставшими племенами в период 1925-1927 гг. В раскаленных песках Марокко, на

---

<sup>130</sup> Последние новости. Париж, № 342, 1921.

каменистых кряжах Сирии и Ливана, в душных ущельях Индокитая — всюду рассеяны русские кости...»<sup>131</sup>

Дезертирство из Иностранного легиона являлось довольно распространенным делом, особенно в среде свободолюбивых российских казаков. Однако этот поступок жестоко преследовался французскими властями. Виновному грозило тюремное заключение на срок до пяти лет и последующая высылка из Франции.<sup>132</sup> Помимо этих наказаний, дезертир должен был после окончания тюремного срока продолжить службу в легионе, получая в два раза меньшее жалование по сравнению с остальными легионерами.<sup>133</sup>

В то же время, русские легионеры, отслужившие установленный контрактом срок, получали определенные льготы при устройстве на работу во Франции. Считалось, что эти люди побывали на государственной службе и принесли общественную пользу. Это обстоятельство выделяло их из общей массы русских беженцев. Однако и в названном случае получение работы не было гарантированным: русскому легионеру, окончившему службу, необходимо было получить так называемый сертификат от будущего работодателя, в котором была бы оговорена заинтересованность последнего в найме дополнительной рабочей силы.<sup>134</sup>

Другой традиционной сферой деятельности русских эмигрантов из офицерской среды было парижское такси. Вот как описывал типичного русского таксиста в Париже американский журналист Дж. Хантингтон:

«Вчера вы поймали такси на Авеню де Пари. Вашим таксистом оказался пожилой человек, говоривший по-французски с небольшим акцентом. Он не

---

<sup>131</sup> Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994, т. 1, с. 27.

<sup>132</sup> Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). М., 2000.

<sup>133</sup> Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. / В.В. Комин. Калинин, 1977.

<sup>134</sup> Большаков В.В. Русские березы под Парижем. / В.В. Большаков. М., 1990.

сразу понял название маленькой улочки, куда вы направлялись, но он был так учтив, что вы простили его. Возможно, этот человек был генералом А. Вообще, большинство русских таксистов в Париже - бывшие офицеры, но обычно они моложе. В любом случае, история вашего водителя очень похожа на историю генерала А.

С приходом большевиков генерал А. со своим сыном - офицером присоединились к белой армии на юге России. Его жена последовала за ними, а две дочери остались...После поражения антибольшевистских армий генерал А., его жена и сын отправились в Болгарию. Сын получил должность в государственном учреждении, отец работал в школе, а мать вела домашнее хозяйство. Но жизнь эмигрантов всегда зависит от случая. В болгарском правительстве произошли перемены, новая Аграрная партия сократила множество рабочих мест для русских. В их число попал молодой А. И дальше это семейство сделало ту же ошибку, которую делали многие русские, — они решили отправиться в Париж. Это было рискованное предприятие, но все, что угодно, казалось более привлекательным, чем бедность и однообразие. Они надеялись, что в Париже, как главном центре эмиграции, они найдут работу и будут окружены соотечественниками».<sup>135</sup>

Далее Хантингтон описывал тот тяжелый путь, который прошел русский генерал, чтобы стать таксистом: «Генерал, несмотря на семидесятилетний возраст, брал уроки в автошколе, готовился к сдаче экзаменов на шофера-таксиста, которые впоследствии он успешно сдал. Теперь только они смогли сводить концы с концами.»<sup>136</sup>

Русские шоферы в Париже вынуждены были зарабатывать себе на жизнь в условиях острой конкурентной борьбы с французскими представителями этой профессии. Так, например, в 1926 г. французские шоферы обратились с

---

<sup>135</sup> Huntington W Op. cit. P. 60-61.

<sup>136</sup> А. м . P. 61-62.

жалобой в Министерство труда, в которой указывали на конкуренцию иностранных водителей, особенно в ночное время. В том же документе была приведена цифра — 5000 шоферов-французов, якобы не имевших работы из-за обострившейся конкуренции. Министерством труда была проведена проверка, не подтвердившая изложенные факты, однако резонанс от жалобы оказался большим. При Министерстве труда была создана комиссия, куда были приглашены представители двух французских союзов шоферов такси, представители гаражей и некоторые члены правительства. В качестве возможных мер для защиты национальных работников, комиссией было предложено ввести квоты на предоставление разрешений иностранным шоферам. Кроме того, при приеме на работу владельцам гаражей было предложено требовать у кандидата справку об отсутствии судимостей. Следует отметить, что для подобных решений комиссии существовали политические условия при полном отсутствии экономических предпосылок: газеты того периода постоянно публиковали объявления гаражей и транспортных компаний с предложениями работы для водителей, а в самом Париже ощущался дефицит такси.<sup>137</sup> Итогом протекционистской политики правительства стало прекращение с 1 мая 1926 г. выдачи разрешений на вождение такси во Франции иностранцам. Исключение делалось для иностранцев, отслуживших добровольцами во французской армии.<sup>138</sup>

Русские таксисты в Париже создали свою организацию - Союз русских шоферов, который был профсоюзом и клубом одновременно. Во второй половине 20-х и в 30-х годах в Париже Союз русских шоферов 16 июля каждого года проводил «День русских шоферов». В этот день, помимо торжественных мероприятий (обеда и концерта), каждый русский шофер, владелец или служащий гаража отдавал половину своего дневного заработка в

---

<sup>137</sup> Возрождение. Париж, №393, 1926.

<sup>138</sup> Там же, №396, 1926.

общую кассу Союза. 50 процентов собранной суммы Союз тратил на оказание денежной помощи инвалидам-офицерам и детям офицеров. Другие 50 процентов шли на пополнение кассы взаимопомощи, из которой выдавались пособия больным шоферам и давались ссуды тем, кто собирался купить автомобиль, гараж и так далее. Кроме того, Союз в 1928 г. открыл под Парижем собственный дом отдыха, куда во время отпуска могли ездить отдыхать русские таксисты и другие члены Союза.<sup>139</sup>

Русских офицеров можно было встретить в Париже везде; они были заняты в самых разных сферах и выполняли любую работу. Их всегда можно было узнать по выправке и манерам. «Певцы в кабаре, фотографы, садовники, таксисты, военные инструкторы - список можно продолжать и продолжать, - писал американский журналист Хантингтон. Некоторым все же удавалось создать свой бизнес и затем дать рабочие места таким же русским, но многие работали швейцарами в ресторанах и кабаре. Вас привез в кабаре генерал, помог выйти из такси адмирал, для вас играл на балалайках оркестр бывших солдат с дирижером-полковником, а проводил вас капитан. И все это в один и тот же вечер.<sup>140</sup>

Труднее было найти работу во Франции русским врачам и юристам. Французское законодательство запрещало практику иностранным представителям этих специальностей в стране. Российские врачи нашли возможность обходить подобные ограничения: они заключали соглашение с каким-либо врачом-французом, который на вопросы государственных чиновников заявлял, что русский врач является его помощником, получая за эту услугу процент с дохода. Такая практика имела успех, и к середине 20-х годов в Париже среди русских врачей уже существовала конкуренция за

---

<sup>139</sup> Последние новости. Париж. 1928. 4 июля.

<sup>140</sup> Huntington W. Op. cit. P. 66.

привлечение беженской клиентуры, а многие из них были вынуждены перебираться в провинцию, где шансы на получение работы были выше.<sup>141</sup>

Положение русских юристов только отчасти могло быть исправлено таким способом. «Совместные предприятия» с французскими адвокатами имели место, но они не предоставляли российским юристам права защищать клиентов во французских судах, вести дела о наследстве, осуществлять нотариальные действия и т.д. Они вынуждены были ограничиваться консультационной работой, что существенно сужало их клиентскую базу и доходы.<sup>142</sup>

Итоги трудоустройства российских беженцев во Франции позволяют сделать интересные выводы.

Во-первых, высокая трудоспособность, образовательный уровень, профессиональные знания и опыт позволили значительной части русской колонии во Франции составить достойную конкуренцию на французском рынке труда местным рабочим. Пониженный уровень требований к условиям и оплате труда сделали русских беженцев желанной рабочей силой на французских предприятиях.

Во-вторых, явными преимуществами при трудоустройстве пользовались организованные группы русских эмигрантов из военной среды. Их трудовая деятельность характеризовалась стремлением сохранить свою обособленность от остальной «беженской массы», что привело в результате к появлению особых замкнутых поселений российских эмигрантов на территории Франции - казачьих станиц, в которых сохранялись дореволюционные традиции и уклад жизни.

---

<sup>141</sup> Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. / В.А. Куманев. М., 1991.

<sup>142</sup> Там же, с.23.

В-третьих, середина 20-х годов была отмечена таким явлением, как трудовая миграция российских беженцев, конечной целью которой, как правило, становилась Франция, где условия труда и его оплата были в среднем лучше, чем в других европейских государствах. Этому процессу благоприятствовала правовая ситуация в стране, которая была намного более либеральна по отношению к русской эмиграции, чем где бы то ни было.

В-четвертых, с усилением экономического кризиса и ростом безработицы в крупных промышленных городах Франции, значительная часть русских беженцев была вынуждена переселяться в сельскохозяйственные районы страны. В середине 20-х годов наемный труд русских беженцев на французских фермах начал становиться все более распространенным явлением. В силу особенностей национального образа мышления, русские эмигранты предпочитали комбинированные формы сельскохозяйственного труда, при которых им предоставлялась максимально возможная свобода производственной деятельности за часть урожая.

## 1.2. Ежедневные взаимосвязи российских эмигрантов

Материальный уровень жизни, как ничто другое, дает представление о степени социальной адаптированности той или иной социальной группы населения. Бытовые условия, при кажущейся «ненаучности» предмета, очень часто приобретают политическую окраску, становясь поводом и причиной социальной напряженности и борьбы. С другой стороны, быт является своего рода катализатором процесса ассимиляции, в значительной степени ускоряя его протекание. Все эти соображения в полной мере относятся к вопросам социальной адаптации российской эмиграции во Франции.

Русские люди в эмиграции проявляли иногда чудеса адаптации к внешним враждебным условиям жизни. Общая дороговизна жизни во Франции особенно сильно проявлялась в стоимости жилья. Русский инженер Максимов зимой 1921 г. нашел способ обойти это тяжелое обстоятельство: на улице Кондамин в самом центре Монмартра, во дворе одного из каменных строений, русский умелец арендовал участок двора и построил на нем деревянный дом по собственным чертежам, разбил небольшой огород, изготовил мебель и поселился там с женой. Фундамент дома был засыпан шлаком, в качестве утеплителя использована бумага; вся себестоимость строительства составила 942 франка.<sup>143</sup>

Некоторые французские заводы разрешали своим рабочим за небольшую плату приобретать использованные бочки, ящики и тому подобное вторичное сырье. Русские беженцы, которым удавалось скопить сумму денег, достаточную для покупки или аренды клочка земли в пригородах Парижа, строили из этих «строительных материалов» небольшие хижинки и дома. Как правило, устроиться подобным образом старались семейные эмигранты, которых страшила возможность оказаться с женой и детьми на улице без

---

<sup>143</sup> Последние новости. Париж, № 253, 1921.

крыши над головой. В середине 20-х годов такие импровизированные русские поселения возникли в районе Севра, Вирофлэ и в ряде других промышленных пригородах французской столицы.<sup>144</sup>

Высокая работоспособность русских рабочих, их стремление к «мирному завоеванию» Франции, часто по достоинству оценивались французскими работодателями. Кроме того, пониженные требования к уровню оплаты труда и его условиям со стороны российского персонала заставляли администрацию предприятий создавать комплекс бытовых условий, которые могли бы способствовать удержанию такой выгодной во всех отношениях рабочей силы. По этой причине многие французские предприятия, оставляя неизменной заработную плату русских рабочих, способствовали развитию вокруг заводов российских колоний. Прекрасно понимая первоочередные нужды беженцев, с их правовой незащищенностью, жилищными и бытовыми проблемами, администрации многих крупных предприятий умело использовали стремление беженцев «осесть» и обустроить свой быт. Нередким явлением было строительство французскими заводами школ для русских детей, библиотек и столовых для русских рабочих, как, например, это было сделано строительно-механическим заводом Эльзасского общества в Бельфоре;<sup>145</sup> бесплатное выделение помещений под православные церкви (Общество металлургии в Кнютанже)<sup>146</sup> и так далее. Французская буржуазия добивалась таким путем фактического прикрепления русских рабочих к своим предприятиям на весьма выгодных для себя условиях: ужесточение условий труда, снижение заработной платы уже не могли заставить российских беженцев покинуть обжитые места с более или менее устоявшимся бытом.

---

<sup>144</sup> Возрождение. Париж, № 32, 1925.

<sup>145</sup> Возрождение, № 216, 1926.

<sup>146</sup> Там же, №215, 1926.

Одновременно русский коллектив являлся значительно менее политизированным, в отличие от французского пролетариата, традиционно активно, особенно в середине 20-х годов, участвовавшего в политической и экономической борьбе. За весь рассматривавшийся период в источниках не удалось обнаружить ни одного факта участия русских рабочих в забастовках или иных акциях социального протеста, в то время как практически ни один номер периодической печати тех лет не обходился без упоминания о подобных выступлениях французских трудящихся в разных районах страны. Причем нежелание участвовать в политических акциях не было свойственно иностранным рабочим других национальностей, работавшим на французских предприятиях. Сохранились сведения о демонстрациях итальянских и польских рабочих, в рядах которых были сильны позиции коммунистов.<sup>147</sup> Таким образом, решение французскими предприятиями бытовых вопросов русских рабочих неожиданно стало приобретать политический оттенок. «Прикрепляя» русские колонии к своим предприятиям, французская буржуазия получала таким образом в высокой степени управляемый персонал, работоспособный и неприхотливый, свободный от политической борьбы и акций социального протеста.

Быт и материальное положение русских рабочих в Париже, несмотря на более высокие, по сравнению с провинцией, заработки, были скудными и тяжелыми. Вот как описывал свой обычный рабочий день на одном из французских автомобильных заводов русский полковник А. Гнутов: «... В пять часов утра по всем клеткам отеля звонят будильники... Съедаю кусок хлеба с американскими консервами — и марш... Широкие двери фабричного двора раскрыты настежь... Работаем сдельно и выжимаем из себя все соки, ради лишней пары франков. В 12 часов перерыв для завтрака... Улицы уже

---

<sup>147</sup> Возрождение. Париж. № 43, 1925.

запружены тысячами старых, молодых, европейцев, китайцев, арабов, негров, женщин и почти детей. Потом все это рассыпается по ресторанам. Глодают наскоро и жадно вино, мясо, хлеб. Через полтора часа снова на завод. Идут вялые, ленивые, с проклятиями в душе... Кончаем в семь. Вагоны метро мчат под землю измученное человеческое стадо. Душно, тесно. Стадо молчит. Мелькают станции. На каждой выбрасывают своих грязных пассажиров... По дороге купил помидоров, американский беф и копченую селедку... Втаскиваю свое отяжелевшее тело на шестой этаж в каморку. Падаю на стул, отдыхаю несколько минут. Умываюсь. Ужинаю. Ем - стоя, - спешу, чтобы не терять времени. Ем, почти не замечая, что. Сбрасываю одежду и валюсь на постель, чтобы завтра встать в пять часов... И снова мчатся на вой и скрежет машин...И так каждый день, иногда и в воскресенье...»<sup>148</sup>

При крупных предприятиях для питания рабочих открывались так называемые кantine. Большое количество русских эмигрантов, работавших на французских заводах, повлекло за собой появление русских дешевых ресторанов и кантин, расположенных вблизи предприятий и предлагавших национальные блюда: борщ, «котлеты по-царски» и т.п. Как правило, владельцами таких заведений также являлись российские беженцы из состоятельных слоев эмиграции. Обслуживанием посетителей в обеденный перерыв занимались русские рабочие того же предприятия: за бесплатный обед они выполняли работу гарсонов. В таких местах очень часто складывалась особая моральная атмосфера, кantine становились на короткое время обеда своего рода клубом общения; рабочие могли, не стесняясь в выражениях, раскритиковать русского повара за приготовленный обед; потребовать свое любимое «домашнее» блюдо, другими словами, ненадолго забыть о тяжелой реальности своего существования и быта. Цены в кантинах были невысокими,

---

<sup>148</sup> Гнутов А. Трудовой день в Париже. Из записок старого полковника. Возрождение. Париж. № 307, 1926.

но оплата наличными практиковалась редко: стоимость съеденного обеда заносилась в долговую книгу и расчеты производились в день получения заработной платы. Такой порядок часто использовался русскими рабочими в своих целях: при увольнении они иногда «забывали» расплатиться по долгам в кантине, не испытывая при этом особых угрызений совести.

1926 г. был отмечен значительным ухудшением материального положения всего трудящегося населения Франции, связанным с падением курса национальной валюты и инфляцией, последовавшей вслед за этим. За год цены на основные потребительские товары выросли вдвое, заработная плата осталась на прежнем уровне и прожиточный минимум превзошел восьмичасовой заработок. В этой ситуации как раз и начали сказываться последствия политики владельцев предприятий, находившихся в провинциальных районах Франции, по «прикреплению» русских колоний к своим заводам. В то время как Париж 1925-1926 годов был охвачен волной забастовок на крупнейших предприятиях города, повлекших за собой пересмотр и индексацию оплаты труда, русские рабочие добывающих и обрабатывающих отраслей, расположенных в отдаленных районах, вынуждены были переходить на сдельную оплату труда, увеличивая свой рабочий день до 12-16 часов в сутки. Подобная ситуация сложилась, например, в Кнютанже, где «забота» администрации предприятия о русских рабочих на первых порах выглядела особенно трогательной.<sup>149</sup>

Конец 1926 г., отмеченный массовыми увольнениями рабочих с промышленных предприятий, очень сильно ударил по материальному положению русских беженцев. Часть из них была вынуждена переселяться в сельские районы Франции, где можно было найти работу на фермах; те же, кто

---

<sup>149</sup> Возрождение. Париж, № 418, 1926.

оставался в Париже и других промышленных городах, обращались на биржу труда.

При назначении пособия по безработице французские и иностранные рабочие пользовались равными правами. Для безработного мужчины оно составляло в 1926 г. 2 франка 75 сантимов в день; его жена, в случае отсутствия работы и у нее, получала 1,75 франка; на каждого из детей правительством выделялось 1,25 франка.<sup>150</sup> Такая сумма пособия не могла обеспечить не только прожиточный минимум, но даже полугодное существование с питанием один раз в сутки. В декабре 1926 г. российский Земгор обратился с призывом присылать на его адрес одежду, продукты или другую посильную помощь для русских безработных Парижа.<sup>151</sup>

Материальное положение русских беженцев, работавших на промышленных предприятиях во французских провинциальных городах и ставших безработными в конце 20-х годов, было более тяжелым, чем в столице. Так, например, русские безработные из казачьего хутора имени атамана Ермака, располагавшегося в городе Омой, получали небольшую помощь от городского благотворительного общества, состоявшую из полутора килограммов хлеба и пяти килограммов картофеля на три дня. При этом состав семьи безработного не учитывался. Местные безработные-французы получали за счет правительственных ассигнований денежное пособие по безработице, однако на русских эта льгота не распространялась. На запрос казаков по этому вопросу, мэр города Омой ответил, что он не имеет в отношении выплаты русским пособия никаких указаний.<sup>152</sup>

Материальное положение русской интеллигенции отличалось большими крайностями. С одного полюса находились достигшие известности или

---

<sup>150</sup> Возрождение. Париж, № 570, 1926.

<sup>151</sup> Там же, №576, 1926.

<sup>152</sup> Антоненко Н.В. Идеология и программатика русской монархической эмиграции. / Н.В. Антоненко. Мичуринск, 2008.

сумевшие вывезти достаточные для жизни в изгнании средства русские артисты, певцы и танцоры, умело использовавшие «русскую моду» во Франции 20-х годов. На другом полюсе оказались русские писатели, поэты, публицисты, которые в силу своей душевной организации или иных причин с большим трудом находили возможность для реализации своих знаний и дарования. Наглядным примером подобного расслоения является судьба А.И. Куприна — выдающегося русского писателя, испытывавшего в Париже острую материальную нужду. Писатель Н. Рощин — близкий знакомый Куприна — вспоминал: «Знаменитый русский писатель жил в великой бедности, питаясь подачками тщеславных «меценатов», жалкими грошами, которые платили хапуги-издатели за его бесценные художественные перлы, да не очень прикрытым нищенством в форме ежегодных благотворительных вечеров в его пользу». Известен рассказ Бунина о встрече с Куприным на улице в Париже, когда больной, плохо одетый, резко изменившийся внешне писатель попросил у него взаймы несколько франков.<sup>153</sup>

Русский сатирик-эмигрант А. Ренников в своем фельетоне «Русские поговорки, исправленные опытом последних лет», такими штрихами нарисовал беженский повседневный быт:

«Терпение и труд все перетрут: и костюм, и здоровье.

Мал золотник, да и тот в закладе.

Пока солнце взойдет, в умывальнике вода замерзнет.

Куй железо, пока не нашел другой работы.

У семи комитетов беженец без газа».<sup>154</sup>

---

<sup>153</sup> Руднев А. Александр Иванович Куприн. // Русское зарубежье. Указ. соч. с. 327.

<sup>154</sup> Ренников. А. Русские поговорки, исправленные опытом последних лет. // Возрождение. Париж, № 565, 1926.

Серьезно сказывалось на материальном положении русских эмигрантов и французское налоговое законодательство. При выдаче или обмене «карт д-идентитэ» с иностранцев взималось 300 франков в пользу государства, 25 франков в пользу департамента и 50 франков в пользу общины. Эти суммы снижались соответственно до 25; 5 и 10 франков для иностранцев, являвшихся родителями одного или нескольких детей-французов. Полностью освобождались от налога иностранцы, служившие добровольцами во французской армии во время войны.<sup>155</sup> Учитывая, что на сумму 6-7 франков в 1926 г. во французской провинции можно было питаться в течение дня, легко представить, каким ударом по бюджетам российских эмигрантов являлись такие налоговые сборы.

Социальное расслоение русской эмиграции привело к появлению в ее среде люмпенизированных элементов, добывавших себе хлеб насущный самыми разнообразными «нетрудовыми» способами. Особой нелюбовью в рабочей среде пользовались так называемые «стрелки» — профессиональные попрошайки, путешествовавшие из одной русской общественной организации в другую в расчете на денежное пособие или бесплатный обед. С истощением средств у российских благотворительных учреждений, «стрелки» перенесли свою деятельность на французов и иностранцев. Как правило, такие вымогатели были хорошо одеты, имели представительную внешность и соответствовавшую случаю "легенду" о своем происхождении и заслугах.<sup>156</sup>

В среде русской эмиграции был распространен и другой вид мошенничества: пользуясь тяжелым положением соотечественников и их желанием найти высокооплачиваемую работу, мошенники предлагали им якобы постоянную должность в каком-либо богатом доме шофером или

---

<sup>155</sup> Возрождение. Париж, № 429, 1926.

<sup>156</sup> Там же, №453, 1926.

посыльным. За эту услугу они просили некоторое вознаграждение, после чего, естественно, скрывались.<sup>157</sup>

Материальный и бытовой уровень жизни российских беженцев был очень тесно связан с другой проблемой - ассимиляцией российской эмиграции.

В силу целого ряда причин: исторических, социальных, культурных, психологических ассимиляция русской колонии во Франции проходила крайне медленно. Беженцы старались оградить свои небольшие сообщества от проникновения чуждоговлияния, сохраняя национальные традиции и культуру. В то же время, целый ряд объективных причин делал процесс ассимиляции неизбежным и полностью исключать его из рассмотрения нельзя.

Одним из таких факторов являлся половозрастной состав русских эмигрантов, большую часть которых составляли холостые мужчины трудоспособного возраста, что неизбежно влекло за собой появление смешанных браков. Этому явлению способствовал также, живой интерес к российским беженцам во французском обществе и «русская мода», буквально захлестнувшая Париж 20-х годов.

Менее чем за 12 лет (с 1920 по 1931 г.) в законный брак с французскими женщинами вступило 5239 российских мужчин. При этом в первые шесть лет ежегодно регистрировалось в среднем 300-350 таких браков, а со второй половины 20-х гг. - уже 540. С другой стороны, за тот же период лишь 786 российских женщин вышли замуж за французов (примерно 50-70 регистраций в год).<sup>158</sup> Длительность пребывания во Франции довольно скоро становилась фактором, благоприятствовавшим заключению смешанных браков. Здесь играли свою роль и материальные факторы: трудоустройство и налаживание быта русскими эмигрантами приводили их к возможности создать и

---

<sup>157</sup> Возрождение. Париж, № 493, 1926.

<sup>158</sup> Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов. // История российского зарубежья. Указ. соч. с. 10

обеспечить средствами к существованию свою семью. Рост количества смешанных браков российских беженцев является косвенным подтверждением достаточно успешного процесса их трудовой реабилитации во французском обществе. Особенно характерным это явление было для российских мужчин, которые к тому же почти вдвое, а во многих департаментах в 3-5 и более раз преобладали в составе российской диаспоры над женщинами. Кроме того, за период с 1927 по 1931 г. во Франции было зарегистрировано еще 5612 браков между россиянами и представителями других национальностей.

М. Раев обращал внимание на изолированность и одиночество тех россиян, которые оседали во французской провинции. Многие из них «...потеряли свои семьи либо в России, либо на пути в изгнание. Эти люди по-прежнему хранили верность своим родным и друзьям. Они трудно заводили новые связи, особенно потому, что продолжали надеяться на скорое возвращение домой... Эта обособленность была особенно сильной среди мужчин, которые работали в провинции, жили в бараках и общежитиях, подрывали свои силы непривычным физическим трудом и не имели больших возможностей для установления контактов, не говоря уже о более тесных связях с местным населением. Они стремились поддерживать в себе чувство общности, основанное на единстве прошлого и судьбы, что само по себе исключало серьезные попытки к интеграции.»<sup>159</sup>

Естественно, что больше шансов на «жизненный успех» имели люди молодые, полные сил и энергии, отличавшиеся высокой предприимчивостью и трудолюбием. Брачные отношения с французскими гражданами оказывались для таких людей решающим условием ускоренной адаптации и интеграции в новое общество, даже более важным, чем принятие французского гражданства путем натурализации.

---

<sup>159</sup> Бойко Ю.В., указ. соч. с. 111.

Смешанные браки заключались русскими беженцами не только с французами, но и с представителями других национальностей, например, с поляками, бельгийцами и т.д. Такие брачные союзы имели еще одно следствие. Довольно распространенным явлением в конце 20-х годов стало крещение детей, рожденных в таких смешанных семьях, по католическому обряду. Родители предполагали, что православное вероисповедание может отрицательно сказаться на будущей карьере ребенка. Более того, сами русские мужчины, вступая в смешанный брак, часто старались венчаться в католических церквях в попытке «укрепить свое положение по службе». И несмотря на то, что такие прецеденты вызывали резкую критику в среде русских беженцев, подобная «религиозная ассимиляция» продолжала набирать силу в начале 30-х годов.

Завершая рассмотрение материального положения русских беженцев, можно сделать следующие обобщения.

Во-первых, многие французские промышленные предприятия, заинтересованные в привлечении иностранной рабочей силы, отдавали предпочтение выходцам из России, как наиболее организованным, дисциплинированным и неприхотливым работникам. С целью «прикрепления» русских колоний к своим предприятиям, владельцы заводов стремились создать комплекс бытовых условий, которые препятствовали бы переходу рабочих на другие производства. Используя стремление российских беженцев обустроить свой быт и получить постоянное жилье, французская буржуазия, отчасти, решала политические задачи, получая в свое распоряжение лояльную, материально зависимую рабочую силу, в очень малой степени подверженную политической агитации.

Во-вторых, условия жизни русских рабочих во Франции не имели принципиальных отличий от быта французского пролетариата. Плохие жилищные условия, скудные стол и одежда, работа «на износ», не оставлявшая

ни сил, ни времени на какие-либо «посторонние» интересы, являлись общими чертами быта и тех, и других.

В-третьих, особенно явной была дифференциация материальных условий жизни в среде российской интеллигенции. Наиболее трудной была жизнь во Франции для представителей русской литературы, существовавших, зачастую, на грани выживания.

Наконец, необходимо сделать вывод о значительном влиянии на процесс ассимиляции русских беженцев во Франции такого фактора, как смешанные браки. В силу социального и половозрастного состава российской эмиграции, это явление имело достаточно широкое распространение и было тесно связано с материальным уровнем жизни беженцев: количество смешанных браков стало резко возрастать к середине 20-х годов, когда русская колония во Франции миновала первоначальный этап социальной адаптации, создав определенную материально- бытовую основу своего существования.

## Заключение

Историческая наука не терпит сослагательного наклонения. Но если на мгновение представить, что разбросанная по всему миру российская эмиграция, после выпавших на ее долю неисчислимых бед и страданий, все-таки в один прекрасный день вернулась бы на родину, думается, развитие России пошло бы совсем иными путями. Огромный опыт выживания, накопленный ею в изгнании, духовная зрелость, принципиально новое отношение к сохранению родного языка и культуры, осознание важности национального единения, без сомнения, оказали бы мощное оздоравливающее воздействие на все российское общество. Русский князь, зарабатывавший себе на хлеб разнорабочим на заводе Рено; граф, доивший коров на ферме; адвокат, чистивший сапоги на набережной — все эти люди сумели адаптироваться в чужой стране и не «потерять» свою личность, продолжали ощущать себя частью русского народа.

Главным выводом, который можно сделать по итогам исследования, является утверждение, что российская эмиграция во взаимодействии с государством и народом Франции обладала повышенными адаптивными способностями. Внутренняя логика ее формирования и развития, бравшая свое начало в особенностях национального образа мышления, культурных традициях и истории русского народа, позволяет сформулировать основные закономерности процесса взаимодействия и адаптации эмигрантов в области социально-экономической, правовой, морально-психологической и социокультурной. Эти закономерности представляются следующим образом.

Во-первых, несомненна зависимость процесса адаптации российской эмиграции во Франции от общеевропейских и общемировых закономерностей развития экономики, политики и культуры. Демографическая ситуация во Франции, обусловившая возрастание спроса на рынке труда; кризис в сельском хозяйстве страны в связи с миграционными процессами, охватившими

сельские районы Франции; «русская мода», повлекшая за собой рост спроса на рабочую силу в обслуживающем секторе экономики, — все эти причины создавали относительно благоприятные условия для трудоустройства, что может служить еще одним аспектом взаимодействия и ускоренной адаптации российских эмигрантов в начале 1920-х гг. С другой стороны, условия созревания и развития экономического кризиса наложили отпечаток и на экономическую жизнь Франции в середине и в конце рассматривавшегося периода, серьезно повлияв на рынок труда и на ход процесса интеграции российской эмиграции в экономическую жизнь предоставившего им убежище государства. Однако к этому моменту самый трудный период во взаимоотношениях с диаспорой у государства и общества был уже пройден, и последствия мирового кризиса для российской эмиграции во Франции были не столь катастрофичны в плане трудоустройства, как, например, тот же период для русской колонии в Германии, где резкое падение национальной валюты и обнищание широких слоев населения особенно сильно отразились именно на некоренных жителях страны.

Во-вторых, национальный французский капитал очень быстро сумел по достоинству оценить высокие качества российского «пролетариата». Большая часть эмигрантов из наименее состоятельных слоев, в основном выходцы из казачьей и солдатской среды, отличались высокой трудоспособностью и обучаемостью, что делало их вполне конкурентоспособной рабочей силой на европейских рынках труда. В массе своей чуждые каким-либо формам политической борьбы, русские рабочие оказывались по этой причине вполне желанными на французских предприятиях, руководство которых старалось «закрепить» российские «коллективы» путем создания для них целого комплекса социально-бытовых условий. По этим причинам в середине 1920-х гг. широкое распространение получила трудовая миграция российских эмигрантов из других европейских государств во Францию.

Взаимоисключающие, на первый взгляд, попытки сохранить дееспособные армейские подразделения и, одновременно, создать условия для их трудоустройства и интеграции в экономику стран пребывания, породили особые социальные образования – казачьи станицы в европейских государствах, ставшие, с одной стороны, замкнутым «хранилищем» национальной культуры и традиций, а с другой - фактором экономической стабильности колоний русских беженцев. Их военная организация неожиданно стала серьезным орудием конкурентной борьбы на французском рынке труда, которое сыграло огромную роль для адаптации русского беженства.

В силу особенностей национального образа мышления, русские эмигранты часто предпочитали сельскохозяйственный труд во французской провинции, причем те его формы, при которых им предоставлялась максимально возможная свобода производственной деятельности на условиях аренды за часть урожая. Имели место миграционные процессы в среде российской эмиграции и внутри страны, вызванные социально-экономическими и демографическими причинами. Эти процессы, во взаимодействиях с коренным населением, имели «встречное» направление: в то время, как сельские районы Франции покидали коренные жители, все большее число российских эмигрантов стремилось переселиться в сельскохозяйственные области страны.

Наряду со сказанным, необходимо признать, что ситуация на французском рынке труда для российской интеллигенции складывалась значительно менее благоприятно. Эмигранты интеллигентных профессий с большим трудом находили для себя возможности заработать на средства к существованию, и чаще всего эта цель достигалась именно физическим трудом. По этой причине дифференциация материальных условий жизни в среде российской интеллигенции была наиболее острой. Наиболее трудной

была жизнь во Франции для представителей русской литературы, существовавших, зачастую, на грани выживания.

В-третьих, значительное влияние на процесс ассимиляции русских беженцев во Франции оказывал такой фактор, как смешанные браки. В силу социального и половозрастного состава российской эмиграции, это явление имело достаточно широкое распространение и было тесно связано с материальным уровнем жизни беженцев: количество смешанных браков стало резко возрастать к середине 20-х годов, когда русская колония во Франции миновала первоначальный этап адаптации, создав определенную материально-бытовую основу своего существования. Смешанные браки, как один из факторов процесса взаимодействия, имели, применительно к российским эмигрантам, кардинальное отличие от практики подобных браков во всем мире. Обладая всеми формальными признаками своего рода «завершающего этапа» ассимиляции, смешанные браки русских мужчин с француженками вовсе не влекли за собой изменение или поглощение образа жизни и способа мышления россиянина социокультурной средой общества-реципиента. В большей степени смешанные браки российских эмигрантов являлись своего рода формой социальной адаптации, облегчавшей положение эмигрантов в целом ряде вопросов повседневной жизни — трудоустройстве, найме жилья, «погружения в язык», обеспечения будущего детей и т.п.

Наконец, процесс взаимодействия адаптации российской эмиграции во Франции облегчался и правовым положением российских беженцев, значительно отличавшимся от ситуации, существовавшей в этом в вопросе в других европейских государствах. В известной степени благожелательное отношение французских властей и населения к российским эмигрантам, в силу положительных исторических и культурных факторов, связывавших на протяжении многих лет два народа, наложили отпечаток и на правительственную правовую политику в отношении русской колонии.

Предоставление регистрационных документов, въездных виз, трудовых сертификатов и разрешений на частную практику во Франции не было сопряжено с такими проблемами, как, например, в Германии, Польше или Бельгии. Благоприятным правовым «фоном» во Франции объяснялась и внутриевропейская миграция российских эмигрантов: нерешенность правовых проблем вынуждала их искать более гостеприимные государства. Кроме того, сама государственная политика в отношении российской эмиграции была направлена на скорейшее решение всего комплекса юридических вопросов, с ней связанных. По этим причинам взаимодействие и адаптация русских беженцев во Франции, в правовом аспекте, проходила менее болезненно, чем где бы то ни было.

Иная правовая ситуация складывалась в отношении российских коммерческих организаций во Франции. Ситуацию с их правовым положением можно назвать «эмиграцией юридических лиц» - положение российских коммерческих организаций, восстановивших свою деятельность во Франции, отличалось неопределенностью и могло бы быть охарактеризовано как существование «не благодаря, а вопреки». Их «юридическое бытие» не регламентировалось французским законодательством и не имело прецедентов в истории коммерческого права. По этой причине российские предприниматели в эмиграции старались как можно скорее скрыть «русское» происхождение капиталов через слияние с французскими предприятиями, создание новых фирм с «нерусскими» названиями и в соответствии с действовавшим национальным законодательством.

Еще один «вектор противостояния» — Советская Россия и российская эмиграция. Непримируемый конфликт между ними оказывал сильное влияние на ход процессов взаимодействия и адаптации последней. Правовое положение российской эмиграции в значительной степени зависело от политики французского правительства и других европейских государств в вопросах

признания советской власти и сотрудничества с ней. Чем большими становились успехи Советской России на пути признания, тем сильнее обострялись юридические проблемы русского беженства, становясь одним из инструментов в политической борьбе целого ряда сил. Очевидно и влияние экономических интересов европейских государств на правовой статус эмиграции: в погоне за возможной прибылью от сотрудничества с большевистским режимом, иностранные судебные инстанции готовы были пойти на прямое нарушение действовавших законодательств в вопросах признания имущественных прав беженцев в угоду пожеланиям национальной буржуазии. Таким образом, история российской эмиграции должна рассматриваться только в контексте взаимоотношений иностранных государств с Советской Россией, поскольку причины частой, порой труднообъяснимой смены европейской правительственной политики в отношении российской эмиграции на самом деле скрывались именно в области внешнеполитической.

Противоречиво выглядела роль общественных организаций, чья деятельность должна была бы способствовать взаимоотношениям и адаптации эмигрантов. Российскими общественными организациями были развиты и продолжены традиции благотворительности; поддерживались объединительные тенденции в беженской среде, создавались условия для культурной, научной, общественной и профессиональной деятельности русской эмиграции. Но, одновременно, политические распри; стремление руководителей организаций оказаться поближе к финансовым потокам, направлявшимся на помощь эмиграции международными и иностранными благотворительными органами; «оторванность» общественных организаций от насущных нужд «рядовых» эмигрантов также являлись характерной чертой в их деятельности.

Единственным бесспорным успехом российских общественных организаций во Франции можно назвать развитие образовательной системы, ориентированной на обеспечение возможности получения эмигрантами специального образования, зачастую являвшегося неременным условием скорейшей адаптации и без которого поиск работы в переполненном жителями Париже был крайне труден. Можно с полным основанием утверждать, что во Франции к середине 20-х гг. существовала развитая система средних и высших учебных заведений, ориентированных на предоставление возможности русским эмигрантам получить или продолжить начатое образование. Не ограничиваясь общеобразовательными дисциплинами, русские учебные заведения стали очагами сохранения национальной культуры, истории и языка.

За рамками работы остались два важнейших фактора, оказывавших воздействие на весь процесс взаимоотношений русской диаспоры и адаптации во Франции: политическая и культурная жизнь русской колонии во Франции. Париж, фактически являвшийся «эмигрантской столицей», особенно после того, как «русский» Берлин утратил это значение, стал в 1920-1930-х гг. свидетелем широчайшего спектра политических и культурных событий, происходивших в среде российской эмиграции. Эти сюжеты уже нашли достойное освещение в российской и зарубежной историографии, однако за рамками научных трудов на эту тему осталось такое явление, как имевшее место воздействие российской эмиграции на культуру и общественную жизнь самой Франции. О том, что подобное воздействие имело место, говорит большое количество красноречивых фактов, таких как, например, «русская мода» в Париже начала и середины 1920-х гг., острый интерес к русской литературе во французском обществе и так далее. Политическая и культурная жизнь русской колонии во Франции, являвшаяся неотъемлемой частью ее адаптации, ее роль и место в духовной жизни французского общества, без сомнения заслуживают более скрупулезного исследования.

## Список источников и литература

### Источники:

1. Дети русской эмиграции. Сочинения детей русских беженцев, учащихся гимназий за границей. М., 1997. // Источники неопубликованные.
2. Беседовский Г.З. На путях к термидору / Г.З. Беседовский. – Париж, 1931. – 292 с.
3. 1931. – 292 с.
4. 6. Вишняк М.В. Годы эмиграции 1919-1969 / М.В. Вишняк. – СПб.: Изд-во «Формат», 2005. – 92 с.
5. во «Формат», 2005. – 92 с.
6. 7. Декрет ВЦИК СНК РСФСР от 15.12.1921г. «О лишении прав
7. гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей».
8. URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15997;dst=0;ts#0>. Дата обращения: 30.10.2017г.
9. 997;dst=0;ts#0. Дата обращения: 30.10.2017г.

### Литература:

1. Афанасьев А.Л. Полынь в чужих полях. М., 1987.
2. Б - ой С. (И.Алексеев). На службе у империалистов. М., 1923.
3. Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграци и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924). М., 1978.
4. Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М., Пг., 1923.
5. белого офицера. 2.16. Буэнос-Айрес, 1977.
6. Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процесс социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов. / История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX - XX веках. Сборник статей. М., Институт российской истории РАН, 1996.
7. Владимиров Л. Возвратите их на Родину! Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии. М., 1924.
8. Владиславлев С . Из записной книжки беженца. Париж, 1963.
9. Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1975.

10. Гравицкий Ю. Военная эмиграция в Болгарии // Военная мысль и революция. 1923, №3.
11. Доватц В.Х.; Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923.
12. Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964.
13. Думкин В. Забытые. Париж, 1983.
14. И.Карпенко С В . Крах последнего белого диктатора. М., 1990.
15. Ипполитов С.С, Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. М., 1999.
16. Ипполитов С.С. Русские беженцы во Франции. Новый журнал (Нью-Йорк), 1999, № 227, с. 179.
17. Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. Х Х века (Хроника). М.: Аиро-ХХ, 1998.
18. История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX - XX веках. 1.8. Сборник статей. М., Институт российской истории РАН, 1996.
19. Калинин И.М. В стране братушек. М., 1923.
20. Каратеев М.Д. Белогвардейцы на Балканах. Воспоминания
21. Квакин А.В. Некоторые вопросы изучения истории ассимиляции российской интеллигенции в эмиграции. // История российского зарубежья. М., 1997
22. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971.
23. Комин В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин, 1979
24. Комин В.В. Крах российской контрреволюции зарубежом. Калинин, 1977.
25. Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции зарубежом. Калинин, 1977.

26. Краинский Н.В. Без будущего. Белград, 1931.
27. Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922.
28. Лунченков И. За чужие грехи. Казаки в эмиграции. М., Л., 1925.
29. Мещеряков Н.Л. На переломе (Из настроений белогвардейской эмиграции). М., 1922.
30. Мухачев Ю.В., Шкаренков Л.К. Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. М., 1980.
31. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994.
32. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
33. Пивовар Е.И., Ипполитов С.С., Карпенко С.В. и др. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие. М., 1994.
34. Попов А.В. Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV.—М.,: ПАИ РГГУ, 1998.
35. Раев М. Россия за рубежом: история культуры российской эмиграции, 1919-1939 гг. М., 1994.
36. Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921.
37. Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 17 ноября 1997 г. М., РГГУ, 1997.
38. Русская эмиграция в Дарданеллах // Военная мысль и революция. 1923, №4.
39. Русские в Галлиполи. Берлин, 1923.
40. Русские в Праге. Прага, 1928.
41. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., 1997.

42. Селунская В.М. Проблемы адаптации эмигрантов из России в европейском зарубежье 20-30-х годов XIX века (По материалам эмигрантской мемуаристики) // История российского зарубежья. Указ. соч.
43. Слободской А. Среди эмиграции. Харьков, 1925.
44. Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987.
45. Соничева Н.Е. На чужом берегу. М., 1991.
46. Тарле Г.Я. Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX веках. // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX веках. М., с. 19.
47. Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. №10.
48. Федоров Г. Путешествие без сантиментов. Л., М., 1926.
49. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981.
50. Шкаренков Л.К. Белая эмиграция: агония контрреволюции // Вопросы истории. 1976. № 5.
51. Шкаренков Л.К. Конец белой эмиграции. // Вопросы истории. 1979. № 8.
52. Balawyder A. Russian Refugees from Constantinople and Harbin, Manchuria enter Canada (1923-26) // Canadian Slavonic Papers. Ottawa, 1972. V. 14. № 1.
53. Beysac M. La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920-1930). Paris, 1972.
54. Cech V. Ruska emigrace a pomocnacke Burzoasie ve dracatych letech // Kuiznice odborných spisů vysokého učení technického v Brně. Ročník . 1967.
55. Československá pomoc ruské a ukrajinské emigraci. Praha, 1924.
56. Davie J. The Russian Immigrant. N. Y. , 1922.
57. Huntington W.C. The Homesick million. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933.
58. Jean Belage. La Russie en exil. Paris, 1930.

59. Johnston R.H. *New Mecca, new Babylon...* Kingston, 1988.
60. Marrus M.R. *The Unwanted-European refuges.* N . Y . , 1985.
61. Martin C. Putna. *Rusko mimo Rusko: Dejinj a kultura ruske emigrance 1917-1991.* Brno, 1994.
62. Pipes R. *Struve, Liberal on the Right 1905-1944,* Cambridge, 1980.
63. Rimscha H. *Russland jenseits der Grenzen: 1921-1926.* Jena, 1927.
64. Rimscha H. von. *Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration, 1917-1921.* Jena, 1924.
65. Rosenberg W. *Liberals in the Russian Revolutions.* N . Y . 1974.
66. Simpson J.H. *The refugee problem.* L . , 1939.
67. *The Bitter Air of Axille : Russian Writers in the West, (1922-1972),* ed. By Simon Karlinsky and Alfred Appel, Jr. (University of California press, 1977.
68. Volkman H.-E. *Die russische Emigration in Deutschland 1919-29.* Wufzburg, 1966.
69. Williams R.C. *Culture in exile: Russian emigrasian Germany: 1881-1941.* Ithaca-London, 1972.